

А. С. Корчажкинъ

*Christe
eleison!*

Алексей Сергеевич Корчажкин

Christe eleison!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960791
ISBN 9785447426866

Аннотация

Книга «Christe eleison!» – сборник литературных произведений А. С. Корчажкина, которые он традиционно пишет в классическом правописании дореволюционной России. Книга поделена на 12 тематических разделов: 8 из них посвящены поэзии, 4 – прозе. История, рыцарство, любовь, агиография, возвышенные устремления духа и даже размышления о последнем часе – вот лишь немного из того, что читатель найдет в его стихах, а проза подарит ему интересные размышления, посвященные Книгам Писания и Книге Природы.

Содержание

Обращение къ доброму читателю	6
Christe eleison!	9
Трилогія Крови	9
Покаяніе	19
Легіонъ	36
Харонъ	53
П#снь Надежды	69
Gloria Domini	81
Амальрикъ и Анна	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Christe eleison!
Литература въ
класическомъ правописаніи
Алексей Сергеевич Корчажкин

© Алексей Сергеевич Корчажкин, 2015

© Наталья Станиславовна Куликова, иллюстрации, 2015

Корректор Алексей Сергеевич Корчажкин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращеніє къ доброму читателю

Добрый читатель! Не пройди мимо сей убогой души, пишушей тебѣ эти строки. Приклони главу свою и помолись о погибшемъ грѣшникѣ, дерзающемъ надѣяться на Божіе милосердіе. Не удивляйся тому, что пишу я въ уничиженномъ заточеніи своемъ тѣлесномъ такъ, словно бы обращаюсь къ прошедшему вѣку, ибо не къ прошедшему я обращаюсь, а къ нынѣшнему, а если смущаетъ тебя письмо мое, то, стало быть, мы живемъ въ разномъ нынѣшнемъ и намъ съ тобою необходимо найти другъ друга. Ты отъищи сего убогаго странника и малое время свое удѣли ему со снисхожденіемъ, и, можетъ быть, не безъ пользы будетъ тебѣ сіе. Окунись въ міръ боли, что испытала обманутая душа, возмнившая службу приносить Богу, но достигшая адовой бездны, откуда едва она выскочитъ Того, отъ Кого отрекалась; истязуемая духами поднебесной слобы и какъ бы «обоженная» возмнившими себя богами, она уже сама не въ состояніи отличить, гдѣ ея, а гдѣ чуждая ей, насилующая еѣ воля – и только Богъ одинъ можетъ это сдѣлать. Побѣди вѣмѣстѣ съ отважными крестоносцами, сражаясь подъ знаменемъ Креста Христова, орды богоборческихъ силъ, затмившихъ свѣтъ непреложной истины, отринь горделивое заблужденіе и произведи судъ надъ всѣмъ, что противно разуму, вспомни славныя дѣянія святыхъ и Самого Господа, и да будетъ всегда въ сердцѣ твоємъ начертано Слово Божіе. Воспояни свой послѣдній часъ, да убережешь ты себя отъ погибельнаго грѣха, раз-мысли, не торопясь, о православной вѣрѣ, единственной истинной, и о томъ, что самое православіе истинное есть въ духѣ и силѣ святаго Апостола Петра, князя Церкви, стоящаго на Краеугольномъ Камнѣ Христѣ, и томъ камнѣ, на которомъ основана святая Христова Церковь. И въ этомъ благодостномъ размышленіи развѣ ты уйдешь отъ мысли, сколь многое сло минуло бы отечество наше и населяющихъ его христіанъ, возстанови они только прежде, въ лѣто благоприятное, единство съ твердѣйшимъ симъ адамантомъ, не сокрушаютъ который и самыя врата ада? Если во всѣмъ этомъ книжица сія тебѣ будетъ въ помощь, ты помолись обо мнѣ, да не погибнетъ и моя душа, чающая Божія милосердія.

Пусть приснятся тебѣ мои сновидѣнія, дабы яснѣе уразумѣлъ ты, сколь много погибла душа моя и сколь нуждается она въ милосердіи. И ты поймешь, сколь дурной я христіанинъ и сколь плохой ученикъ наставника своего Оригена, недруга всякаго заблужденія. Ибо, сколько бы не была для меня дорога истина, пріятель я всякой грѣховной нечистотѣ, сквозь пелену ея дурманящаго тумана едва ко мнѣ пробивается свѣтъ Христовъ, просвѣщающій и очищающій всякаго человѣка. Не оставляй своей молитовки обо мнѣ, да не оставитъ и меня сей самый Свѣтъ – Сушій, и Который былъ, и Грядущій со всею славой. Аминь.

А за то, что пишу, благодаренъ я очень многимъ, что въ разное время, хотя и по невѣдѣнію, вдохновляли меня къ насилію надъ бумагой. Изъ нихъ многихъ ужъ нѣтъ, потому какъ не засталъ я ихъ позднимъ своимъ рожденіемъ, а иныхъ далъ бы Господь увидѣть. Болѣе же всего благодаренъ я добрымъ своимъ родителямъ, сѣло долготерпящимъ меня по неумѣнію своему воспитать во мнѣ достойнаго человѣка. И ещѣ благодарю я славнаго Христова воина – протодіакона Андрея Вячеславовича Кураева, потому какъ во дни стародавніе открылъ онъ мнѣ Оригена, и сей несокрушимый Адамантъ доселѣ ведетъ меня къ Источнику живительной влаги. А также премудрейшую Ольгу Александровну Джарманъ, которая открыла мнѣ міръ европейской учености, съ любовію объявлявшей дѣянія и труды преподобнаго моего наставника, уступающаго по силѣ проповѣди развѣ только Апостолу Паолу. И достохвальнаго сего мужа, Давида Моисеевича Эрлиха, этого поистинѣ Іудея по внутреннему сокровенному человѣку, а не по буквѣ Закона, ибо съ его помощію я освоилъ сіе стародавнее правописаніе. И, конечно, отдѣльная моя благодарность прекрасной королевѣ эльфовъ, Натальѣ Станиславовнѣ Куликовой, ея рисунками, разсудительными и прекрасными,

украсилъ я эту скромную книжицу¹. Вмѣстѣ же со всѣми благодарю я прекраснѣйшую среди всѣхъ Анну, сію благословенную дочь Небеснаго Отца, которая придала мнѣ рѣшимости къ изданію сего труда.

Будь благословенъ отъ Господа, мой дорогой читатель, и да не пожалѣешь ты о томъ, что на сіе писаніе употребилъ ты малое свое время!

*Сей ничтожный грѣшникъ, Алексѣй К.,
не по достоинству христіанинъ,
да не по уму ученикъ славнаго Оригена*

¹ При оформленіи заглавій въ рисункахъ былъ использованъ шрифтъ «BichOGothic».

Christe eleison!

Трилогія Крови

I. Посл#дній день убійцы

Пустыня. Раскалённый адъ.
Пески безжизненны горять
Подъ окомъ пламеннымъ. Лежалъ
Въ нихъ челов#къ. Онъ умиралъ.
Съ изсохшихъ губъ сорвался стонъ:
Посл#дній разъ увид#лъ онъ,
Какъ палъ великій городъ. Прочь
Гнала холодной смерти ночь.
Почти не чувствуя нужды,
Онъ прошепталъ: «Воды! Воды!»
Явился ангелъ передъ нимъ.
Въ рукахъ своихъ держа кувшинъ,
Сказалъ онъ: «Пей». И странникъ пилъ.
Въ себя онъ жадно воду лилъ,
Вдругъ тошнота взяла его,
И эту воду оттого
Онъ выплюнулъ. Его объялъ
Внезапный страхъ – онъ увидалъ,
Какъ окровавился песокъ.
Себя преодол#тъ онъ смогъ:
На ангела онъ посмотр#лъ
Въ смятень#... и похолод#лъ.
Того онъ *челов#ка* зналъ,
Что ангеломъ предъ нимъ стоялъ!
Кувшинъ у ангела въ рукахъ
И скорбь глубокая въ глазахъ.
Взглянулъ на ангела онъ вновь:
Увид#лъ, какъ сочилась кровь
Изъ сердца, что въ рукахъ его.
И захот#лось одного —
Сгор#тъ, дотла сгор#тъ въ аду.
Но онъ поднялся на б#ду.
Вокругъ него со вс#хъ сторонъ
Стояли ангелы, ихъ стонъ
Предсмертный, мучилъ душу вновь,
И медленно сочилась кровь
Съ сердець, что были въ ихъ рукахъ.

Такъ странникъ умеръ въ т#хъ пескахъ...

II. Послание убійцы

...День умерь. Воцарилась ночь.
Луна, ночной царицы дочь,
Да св#здъ безчисленныхъ огни —
Мертво и холодно они
Пустыни озаряли склепъ.
Вкусить желая скудный хл#бъ,
Пришли могильщики. #ду
Себ# едва они найдутъ...

Явилось солнце изъ песковъ,
И день по-новому готовъ
На жизнь короткую свою.
Явивъ невинному св#рью
Свой огненный, жестокий глазъ,
Св#тило распугало вразъ
Всю жизнь въ пустынь# — сталъ песокъ
Какъ прежде мёртвъ. А день какъ могъ
Всё раскалялъ его, и онъ
Былъ въ сонъ томящій погружёнъ.

Такъ день прошёлъ, зат#мъ и ночь
Отцарствовавъ, исчезла прочь.
А утромъ царь для вс#хъ св#тилъ
Три силуэта осв#тилъ:
Спаستись желая въ т#хъ пескахъ,
Шли Проклятые. На рукахъ
Обильно выступала кровь,
Въ песокъ стекая вновь и вновь.
Жел#зо-смерть при т#л# ихъ;
Той кровью на рукахъ своихъ
Желая жажду утолить,
Стремились Проклятые жить.
Надъ ними нависала смерть,
Но не хот#ли умереть
Въ пустынь# яростной они,
И по пескамъ они брели,
Питаясь кровью съ рукъ своихъ...
Всё шли они. Вдругъ взоры ихъ
На трупъ наткнулись. Онъ лежалъ
Лицомъ въ песок#, и простиралъ
Онъ руки къ нимъ въ мольб# н#мой.
Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Постой!
Б#дняга! Волею судьбы
Погибъ онъ зд#сь. Но если бы
Мы схоронили зд#сь его,
То наши души оттого
Очистились бы, и тогда
Проклятье разъ и навсегда

Ушло бѣ отъ насъ». И вотъ песокъ
 (Отъ крови ихъ онъ весь намокъ
 И слился въ крови долгихъ лѣтъ)
 На трупъ посыпался въ отвѣтъ.
 И очень скоро тѣмъ пескомъ
 Укрылось тѣло, а потомъ,
 Предъ тѣмъ, какъ свой продолжить путь,
 Они рѣшили отдохнуть.
 И имъ приснилось въ странномъ снѣ:
 Собой довольные вполнѣ,
 Всѣ трое спали. Вдругъ они
 Отъ рѣзкаго толчка земли
 Проснулись, послѣ сѣли въ кругъ;
 И въ кругѣ томъ явился вдругъ
 Въ плащѣ кровавомъ человѣкъ.
 И такъ сказалъ онъ: «Конченъ вѣкъ!
 Я жизнь недолгую прожилъ,
 Кровавый плащъ себѣ нажилъ
 За службу вѣрную свою
 Вамъ благодарность я дарю:
 Спасибо вамъ, что сберегли
 Отъ мерзкихъ тварей какъ могли,
 Предавъ холодный трупъ пескамъ.
 За это я открою вамъ
 Таковую тайну: я, какъ вы,
 Являюсь Проклятымъ, увы.
 Я гналъ, пыталъ. Я убивалъ.
 И только смерть себѣ стяжалъ
 За дѣло рабское моё.
 Какъ ненавиждѣлъ я её!
 Предъ смертью я увидѣлъ ихъ —
 Убитыхъ ангеловъ своихъ!»
 «Ну, ты ихъ видѣлъ, что тогда?
 Ты, вѣрно, умеръ навсегда
 Отъ сердца слабаго? Иди!
 Дорогу въ адъ себѣ найди.
 И тамъ рассказывай чертямъ.
 Зачѣмъ ты только нуженъ намъ!» —
 Одинъ изъ Проклятыхъ сказалъ.
 «Ты ихъ ещё разъ убивалъ?» —
 Другой рассказчика спросилъ.
 Такой отвѣтъ онъ получилъ:
 «Я видѣлъ ихъ, живой, пойми,
 Мои страданья перейми!»
 Но Проклятый захохоталъ.
 Но былъ и третій. Не сказалъ
 Онъ въ разговорѣ ничего —
 Была печаль въ лицѣ его...

...Въ себ# пустыню скрыла ночь.
Луна, ночной царицы дочь,
Да св#здъ безчисленныхъ огни —
Мертво и холодно они
Пустыни озаряли склепъ.
Вкусить желая скудный хл#бъ,
Пришли могильщики, #ду
Въ ту ночь едва ль они найдутъ...

И, осв#щённые луной,
Шли воины, промежь собой
Они равнялись при лун#;
Ихъ лица, скрытыя во мгл#,
Какъ маски холодны. Въ пескахъ
Шли мёртвые – отрядъ свой шахъ
Вёлъ этой ночью на войну —
Завоевать себ# страну.
Служитель смерти во глав#
Ея отряда былъ, въ огн#
Душа пылала у него,
И слобствовалъ онъ оттого,
Желая пить чужую кровь,
Перчатки чтобы липли вновь
Къ рукамъ отъ теплой крови той —
Сей пищей яростной одной
Питался всласть кровавый шахъ,
Скр#пляя власть въ своихъ рукахъ.
Владыка замеръ. Видитъ онъ,
Какъ, луннымъ св#томъ озарёнъ,
Въ ночной пустынь# трупъ лежалъ
И къ кровопійц# простиралъ
Въ безпомощной мольб# н#мой
Свои онъ руки. Надъ собой
Контроль владыка потерялъ —
Внезапный страхъ его объялъ.
И, страхомъ этимъ поб#ждёнъ,
Покойника хоронитъ онъ
И засыпаетъ. Всё потомъ
Уснуло войско кр#пкимъ сномъ.

А въ это время шёлъ въ пескахъ
Иной съ отрядомъ смерти шахъ
На смертоносную войну —
Завоевать себ# страну.
Въ перчаткахъ руки у него,
И слобствовалъ онъ оттого,
Желая пить чужую кровь,
Перчатки чтобы липли вновь
Къ рукамъ отъ крови алой той —

Сей пищей яростной одной
Питался всласть кровавый шахъ.
Вдругъ замеръ онъ – внезапный страхъ
Объяль его: въ пустынь# той
Въ безпомощной мольб# н#мой
Къ владык# руки простираль
Знакомый трупъ... но закопаль,
Какъ прежде, мёртвого въ песокъ,
А посл# совладать не смогъ
Со сномъ владыка, оттого
Уснули воины его.

Пророческiй имъ снился сонъ:
Кровавымъ кругомъ обведёнъ,
Въ плащ# кровавомъ челов#къ
Стояль при нихъ. «Напрасно рекъ, —
Пророкъ кровавый говорилъ, —
Предупрежденье! Не узрилъ
Я сла огромнаго тогда,
Не размышляль я никогда
О томъ, что свой не кончивъ в#къ,
Въ васъ умираетъ челов#къ.
Подумайте, зач#мъ нужна
Вамъ кровожадная война!
Вы вс# умрёте въ той войн#!
Лишь кровь прольёте зря... а мн#
Не смыть ужъ крови съ этихъ рукъ». —
Исчезъ пророкъ, исчезъ и кругъ,
И врагъ исчезъ – проснулся шахъ,
И путь продолжилъ онъ въ пескахъ...

Войска вели владыки въ бой,
Поб#ду видя за собой.
В#дъ каждый думаль поб#дить —
Однимъ наб#гомъ разорить
Врасплохъ застигнутыхъ враговъ.
Вдругъ въ разстоянь# ста шаговъ
Они застыли... сила сла,
Однако ж, въ чувство привела
Сраженья алчущихъ царей.
И, словно орды упырей,
Впились другъ въ друга ихъ войска,
И крови потекла р#ка.
И въ беспощадной той р#зн#
Они сошлись. Давно въ огн#
Жглись души проклятыя ихъ,
Не покидая т#ль людскихъ.
Въ нихъ кровь людская не течётъ —
Кровь Проклятыхъ давно ихъ жжётъ

И затмеваетъ разумъ имъ.
И, движимые лишь однимъ
Желаньемъ, оба т# царя,
Какъ два полнощныхъ упыря,
Впились другъ въ друга, кровь пустивъ,
Земную жизнь остановивъ...

Сокрылось небо въ облакахъ,
И въ окровавленныхъ пескахъ
Пролился ливень – плачь небесъ.
Онъ создалъ тысячу чудесъ
Въ пустынь# мёртвой: ожила,
Позелен#ла, расцв#ла
Она въ мгновение почти.
Нигд# въ семь м#р# не найти
Ея прекрасн#е цв#товъ,
Что расцв#ли изъ-подъ песковъ.
Но тамъ, гд# кровь текла р#кой,
И гд# отъ влажной крови той
Сильн#е, ч#мъ отъ водъ небесъ
Намокъ песокъ, и былъ онъ весь
Ковромъ изъ т#ль людскихъ покрытъ
И алой кровію омытъ,
Тамъ, пробиваясь сквозь т#ла,
Взошли цв#ты людского сла.
Изъ кожи лепестки у нихъ,
Ихъ листья – кисти рукъ людскихъ,
Сосуды – стебли ихъ, и кровь
По нимъ сочилась вновь и вновь.
По трупамъ шёлъ онъ не сп#ша —
Убійцы жалкая душа.
Онъ шёлъ, цв#ты къ земл# клоня
И память страшную храня,
Какая мучила его.
Не понимая одного:
Какъ т#, за к#мъ онъ шёлъ сейчасъ,
Не мучились въ предсмертный часъ.
Въ плащ# кровавомъ челов#къ
Сказалъ: «Пойдемъ. Оконченъ в#къ.
Я жизнь недолгую прожилъ,
Кровавый плащъ себ# нажилъ
За службу рабскую свою.
Я небеса благодарю
За то, что разр#шили мн#,
Чтобъ въ адскомъ не гор#ть огн#,
Очистить душу. Только я
Не смогъ. Теперь душа моя
Огню нав#къ принадлежитъ.
Никто изъ нихъ не изб#жить

Печальной участи въ аду
Людскому міру на б#ду.
Пойдѣмте, Проклятые, насъ
Зовѣтъ ужъ преисподней гласъ!..»

Въ краю забытомъ челов#къ
Всевышнимъ отведенный в#къ
Окончилъ, мертвъ и воскрешень,
Аллаха в#рный рабъ. Но онъ
Въ Христа ув#ровалъ. И крестъ
Увелъ его изъ прежнихъ м#сть.
Онъ исц#ленья захот#ль,
И много покаянья д#ль
Въ слезахъ сод#яль. Бывшій сталъ
Небывшимъ гр#хъ: проклятье снялъ
Съ него Господь, и мирно онъ
Въ блаженный погрузился сонъ.

III. Надежда

Пустыня. Ночь. Кровавый кругъ.
И въ круг# томъ явился вдругъ
Погибшій странникъ; плащъ на нёмъ,
Въ кровавый цв#тъ окрашенъ онъ.
Съ нимъ души падшія, и страхъ
Быль въ ихъ пылающихъ глазахъ.
И ненависть: ихъ дикій взглядъ
Другъ въ друга устремлень, и радъ
Врага былъ каждый погубить;
Сіе нам#ренье творить
Межъ т#мъ отъ изобилія сла
Нельзя имъ было: грань стекла
Ихъ разд#ляла. Вдругъ они
Бросались, слобою полны
На отраженъе – и безъ силъ
Валились наземъ, каждый былъ
Прикованъ къ грани роковой
Лишь волей собственною слой.
Въ пескахъ безжизненныхъ молилъ
Погибшій изъ посл#днихъ силъ:
«Тебя я помню. Будь мн#, другъ,
Росою сладостной: въ сей кругъ,
Гд# трое насъ, приди и ты
Изъ той незримой полноты,
Что намъ не в#дома s#ло,
Ослабъ терзающее сло!»
Онъ такъ молился. И въ отв#тъ
Онъ издали увид#ль св#тъ.
Сгустившись, образъ принялъ онъ,

И, луннымъ свѣтомъ озарѣнь,
 Въ одеждѣ блгой человѣкъ
 Предсталъ предъ ними. И изрекъ
 Погибшій странникъ эту рѣчь:
 «Вы вмѣстѣ вновь. Предостеречь
 Я васъ пытался. Не сумѣлъ
 Спасти я ихъ. Кровавыхъ дѣлъ
 Они творили безъ числа,
 Чужая кровь для нихъ была
 Водой прохладной въ жаркій зной.
 Пьянчуга немощный иной
 Не столько тянется къ вину,
 Но эти люди – кровь одну
 Немерено вливали въ пасть.
 Въ пустыню привела ихъ страсть.
 И ты ихъ видишь предъ собой,
 Сло терзаемыхъ душой,
 Томимыхъ жаждою сло
 Бездонное наполнить сло.
 Взгляни, насколько жалки тѣ
 Въ своей зеркальной пустотѣ.
 Вы ихъ прославите. Но мнѣ
 За нихъ обидно, и въ огнѣ
 Пусть мучится теперь вѣкъ
 Безликій, падшій человѣкъ.
 Такихъ насъ много, боль одна
 У всѣхъ – и Бездны глубина
 Неразличима въ насъ, и взглядъ
 Безликий и тусклъ: не любить адъ
 Различья въ образѣ Его,
 Всѣхъ равенство до одного
 Въ аду возсоздано. И намъ
 Безвременно терзаться тамъ.
 Несчастные! Свободно мы
 На рабство всѣ обречены.
 Но какъ легко и вамъ итти
 По гиблому сему пути
 Обезличенья! Не землѣ,
 Подобно какъ и намъ во мглѣ
 Не видно свѣта вамъ. Сло
 Влечетъ васъ міровое сло.
 Иисусъ, Ты кротокъ и смиренъ.
 Зачѣмъ пришелъ и принялъ тлѣнь
 На землю рабскую сію —
 Ты душу мучаешь мою!
 Послушай, свѣтлый человѣкъ, —
 Печальный духъ ему изрекъ. —
 Его ты понялъ. И пріялъ.
 Въ тебѣ Онъ свѣтомъ возсіялъ.

Тотъ свѣтъ мучителенъ для насъ.
Я ухожу. Но въ этотъ часъ,
Прошу, мою послушай боль —
Одну изъ мучающихъ воль,
Со мною слитыхъ. Не могу
Сопротивляться я врагу». —
Умолкъ погибшій. Зеркала
Со звономъ пали. Слуги сла
Мерзѣйшимъ смѣхомъ изошлись,
Слова такія прорвались
Изъ ртовъ, смѣившихъ ѣдкій смрадъ:
«Не побѣдитъ вамъ, смертнымъ, адъ!
Безумецъ распятый не смогъ
Заставить какъ всесильный Богъ
Въ Себя повѣрить въ судный часъ,
Когда великой силой насъ
Онъ сокрушилъ. Но знаетъ Онъ
Въ аду собираетъ Аваддонъ
Сѣло безчисленную рать.
Недолго намъ осталось ждать!»
«Онъ намъ не нуженъ, — такъ изрекъ
Въ кровавой мантии пророкъ. —
Тебя мы ждали, нашъ ты былъ.
Зачѣмъ тебя освободилъ
Распятый, немощный Христосъ?
Ты поселился въ царствѣ грезъ,
Повѣривъ лживымъ словесамъ.
Ты, вѣрно, не увидѣлъ самъ,
Той силы, что лишился ты.
Прозри глубинныя мечты
И къ намъ прииди въ нашу рать.
Мы снова будемъ убивать
И наслаждаться кровью“. „Нѣтъ! —
Отвѣтилъ приглашенный свѣтъ. —
Такимъ ты не былъ порождень.
Я былъ тобой предупреждень
И свѣтъ увидѣлъ. Почему
Ты гонишь Свѣтъ, прорвавшій тьму?
Я ухожу. Но буду вновь
Молить я, чтобъ омылась кровь
Съ одеждъ замаранныхъ. Со мной
Изъ Бездны адской роковой
Изыдешь ты когда-нибудь». —
И молвилъ падшій слышно чуть:
«Спасибо... Времени рѣка
Несѣтъ насъ многіе вѣка.
Придетъ время — міръ тогда
Исчезнетъ разъ и навсегда.
И будетъ новый міръ. Иди

Христа, мн# чуждаго, найди,
Но н#ть надежды мн#. Теперь
Закрыта предо мною дверь.
Забудь меня». И яркій св#тъ
Всё осіяль. И силуэтъ
Вознесся въ немъ – и дикій крикъ
Прор#залъ тишину и вмигъ
Умолкъ. И мертво стало тамъ,
Гд# ненавидятъ св#тъ Христа.

2003, посл#дняя редакція – 2015 г.

Покаяніе

I. Прологъ

Пещера. Ночь. И тишина.
И тускло свѣтитъся луна,
Даря воспоминанье дня —
Свѣтъ утонувшаго огня,
Что свѣтитъ міру черезъ мракъ,
Ему напоминая такъ
О вѣчномъ свѣтѣ, только тьма
Плѣняетъ больше взоръ ума.
Въ пещерѣ той огонь горѣлъ,
Что тѣлеса и души грѣлъ,
И тихо въ тишинѣ трещалъ.
Безмолвія не нарушалъ
Тотъ пламень музыкой своей.
Онъ плѣлъ о доблести людей,
Чьи просвѣщенные умы
Желали мудрость болѣ тьмы,
Что некогда служили ей
Во mnogой мудрости своей;
Ихъ былъ тяжель, но тщетень путь,
И было нелегко свернуть
Съ пути забвенія туда,
Гдѣ рушатся порой года
Пустыхъ исканій и надеждъ
И мудрованія невѣждъ.
Но духъ, идущій къ небесамъ,
Порой не замѣчаетъ самъ,
Что къ мудрости простертый умъ
Вбираетъ болѣ свѣтлыхъ думъ,
Отринувъ глупость прошлыхъ лѣтъ
И вырвавшись изъ тьмы на свѣтъ.

II. Обречённый

И въ той пещерѣ, въ тишинѣ,
Сидѣли старцы, какъ во снѣ
Недвижимы, и небеса
Свѣтились черезъ ихъ глаза,
Полуприкрытые. Ихъ умъ
Въ движенія сердечныхъ думъ
Былъ постоянно погружёнъ.
И, небеса впуская, онъ

Стремился къ нимъ, и потому
Являлось тайное ему.
Ихъ было двое. С#дина
Б#л#й, ч#мъ бл#дная луна,
В#начала главы мудрецовъ.
Ихъ мудрость скрыта отъ глупцовъ,
И разв# тотъ её поймётъ,
Кто брань жестокою ведётъ
За св#тъ, сіяющій во тьм#,
Кто ненавистенъ сатан#.
Таинственный и тихій св#тъ
Прозр#нія ихъ долгихъ л#тъ
Струился въ нихъ и души гр#ль,
И въ ихъ сердцахъ огонь гор#ль
Любви и знанія. Его
Ужъ не погаситъ ничего.
И приближало время срокъ,
Въ небесный в#чности чертогъ
Неся ихъ тихою р#кой,
Чтобъ души ихъ нашли покой
Въ Небесномъ Царств#. И тогда
Они забудутъ навсегда,
К#мъ были прежде. Божій св#тъ
Отретъ ихъ слёзы – горечь б#дъ
Напрасно прожитыхъ годовъ,
И Слово, что превыше словъ,
Наполнить души ихъ собой
И станетъ в#чною судьбой.
Они молчали въ тишин#,
Ихъ лица были какъ во сн#,
А души ихъ на небесахъ
Торжествовали, въ ихъ глазахъ
Св#тилась радость... Только вдругъ
Ихъ охватило пламя въ кругъ,
И взвилось пламя въ потолокъ,
И жаръ его былъ такъ жестокъ,
Что выжегъ чистые глаза,
Что отражали небеса.
Вмигъ всё исчезло. Тишина...
И продолженье полусна
Молитвы тихой, св#тлыхъ думъ,
Занявшихъ неотмірный умъ.
Но опалились небеса,
И обречённыхъ голоса
Вторгались въ думы: плачь и стонъ,
И вопль вс#хъ со вс#хъ сторонъ,
Зубовный скрежетъ, боль людей,
Которыхъ дьявольскій слод#й
Забвеньемъ мучить. Эта боль

Сковала миллионы воль.
Средь тяжких стоновъ въ этотъ мигъ
Отчѣтливый раздался крикъ,
Крикъ обречѣннаго, съ мольбой —
Изъ бездны ада роковой.
Крикъ ц#пи міра разорвалъ,
Всю мощь огня въ себя вобралъ,
И принялъ призракъ зримый видъ.
Кровавой мантией покрытъ
Явился падшій челов#къ.
Сказалъ онъ: «Вашъ оконченъ в#къ!
И время мчится. Васъ тогда
Я не увижу никогда.
Но прежде попрошу я васъ:
Скажите мн# въ посл#дній часъ,
Какъ жили вы, какъ путь свой шли.
Людей вы за собой вели
Въ глухую тьму, тамъ нын# я,
Тамъ жизнь моя... тамъ смерть моя.
Но гд#-то повернулъ вашъ путь,
Мн# въ прошлое не заглянуть,
И невозможно мн# найти
То продолженіе пути.
Прошу васъ, расскажите мн#,
Душ#, пылающей въ огн#,
О вашей жизни. Можетъ-быть
Мн# легче будетъ пережить
Смиренье съ адскою судьбой.
Прошу васъ, сжальтесь надо мной!»

III. Мудрецъ

И первый молвилъ: «Я Нахоръ,
Я н#когда спустился съ горъ
Для обольстительныхъ словесъ,
И подгонялъ лукавый б#съ
Повергнуть истину, но ей
Со всею мудростью своей
Я сокрушёнъ былъ, и тогда
Я смогъ отринуть навсегда
Всё то, ч#мъ н#когда я жилъ,
Ту мудрость, коей дорожилъ.
То – ликованіе глупцовъ,
То – б#снованье мудрецовъ,
То – заблужденіе ума,
То – духа вольнаго тюрьма.
Её, взявъ Истины скрижаль,
Отринулъ съ гн#вомъ я, не жаль
Мн# никогда отринуть ложь.

Года потрачены, и что жъ?
Они исчезли навсегда.
Я расскажу про т# года.
Уйдя въ пустынный м#ста,
Гд# міра немошна тцета,
Взваливъ на плечи много книгъ,
Желая в#чности зр#ть мигъ
И знаньемъ просв#щать свой умъ,
Душа моя отъ многихъ думъ
Въ тоск# мучительной рвалась,
Хоть я отринулъ міра грязь.
И въ той божественной тиши
Не обитало не души,
Лишь та одна, что предъ собой
Ты видишь, вопрошатель мой.
И тамъ, въ уединень# томъ
Я размышленьемъ и постомъ
Жиль, совершенствуясь. И такъ
Провёлъ я годы, но никакъ
Я совершенства не достигъ,
Хоть мудрость многую постигъ.
Въ прозр#нь# понялъ я, что смерть
Преобразить въ земную твердь
Всё т#ло бренное моё.
Преобразуется въ гнильё
И мудрость многая моя.
И горько-горько плакалъ я.
Сіе я понялъ, плоть сгубивъ,
И, наслажденье полюбивъ,
Средь уважаемыхъ глупцовъ
Я первымъ сталъ. Въ конц# концовъ
Мн# надо#ла эта роль,
А душу жгла нещадно боль:
Безсильныя мои мечты
Остались тщетны. Пустоты
Не заполняла міра пасть,
Въ ней душу жгла нещадно страсть.
И я покинулъ міръ людей.
Средь утопическихъ идей
Я вновь покой искалъ. Но мн#
Гор#ть начертано въ огн#:
Своею властною рукой
Увлекъ я многихъ за собой.
И въ той душевной пустот#
Прочёлъ я книгу о Христ#
И не пов#рилъ, и изгналъ
Её изъ сердца. Закопалъ
Её я въ землю глубоко,
А посл# было такъ легко,

Какъ будто сталъ я богомъ, но
Мн# быть имъ, видно, не дано.
Одинъ мой лучший ученикъ,
Съ паучьимъ именемъ, постигъ
Искусство лести, с#ти плёлъ
Онъ ловко, хоть и не увёлъ
Въ свои онъ с#ти никого.
Сплеталъ онъ ихъ лишь для того,
Кто всей душой любилъ Христа.
Душой я съ нимъ былъ. Пустота
Всю душу разрывала мн#
И жгла въ неистовомъ огн#.
И я р#шилъ, что приложу
Я силъ сколь можно, и скажу
Я ложь предъ праведнымъ юнцомъ.
Его я сд#лаю глупцомъ
Въ людскихъ глазахъ, и оттого
Къ богамъ отцовъ верну его.
Такъ думалъ я, хитрецъ въ словахъ.
А въ помрачѣнныхъ головахъ
Хулы рождаются. Мечт#
Той даже книга о Христ#
Немного, впрочемъ, помогла.
Пов#ствование дала
Она для устъ моихъ. Потомъ
Я сокрушался лишь о томъ.
Въ долин# мрака я бродилъ,
Покой себ# не находилъ:
Душа пылала, какъ въ огн#.
И я уснулъ. Въ кошмарномъ сн#
Я вид#лъ св#тъ. Онъ обжигалъ,
Онъ толщу плоти разрывалъ
И въ душу проникалъ. Всегда
Я буду помнить мигъ, когда
Я вид#лъ св#тъ. Клянусь, вов#къ
Сильн#е боли челов#къ
Не чувствовалъ внутри себя.
И я проснулся, тьму любя.
Желанн#й, впрочемъ, для ума
Непроницаемая тьма.
И пустотою тяжкихъ думъ
Наполнилъ я смердящій умъ.
Пошёлъ я. Всадники вокругъ
Внезапно выстроились вдругъ,
И былъ я схваченъ. Наконецъ.
Меня явили во дворецъ.
Царь вымолвилъ: «Презр#нный рабъ!
Ты не изб#гнешь львиныхъ лапъ!
Ты – тотъ обманщикъ, тотъ слод#й,

Что развратилъ моихъ людей,
 Служитель демоновъ?“ „Постой,
 Ты знаешь, кто передъ тобой.
 Я Варлаамъ, слуга Христовъ,
 Не почитаю я боговъ,
 Бездушныхъ идоловъ. Мой взоръ
 Не можетъ видѣть твой позоръ.
 Ужели славный господинъ
 Не вѣдаетъ, что Богъ единъ
 И созерцаетъ свѣтъ во тьмѣ
 На радость только сатанѣ?“ —
 Царю я отвѣчалъ. Ему
 Обманъ былъ вѣдомъ. Потому
 Онъ скрыть его хотѣлъ. «Глупецъ!
 Ты знаешь, христіанскій лжецъ,
 Какъ сердце отъчее болить.
 Мнѣ жажда мщенія велитъ
 Убить тебя! Съ недавнихъ поръ
 Мой сынъ, твой слыша разговоръ,
 Въ Христа увѣровалъ. Забылъ
 Онъ радость плоти. Возлюбилъ
 Онъ нищету и этотъ бредъ,
 И тѣмъ непоправимый вредъ
 Нанёсъ душѣ своей», — сказалъ
 Такъ грозный царь. Я отвѣчалъ:
 «Нѣтъ, царь, слова мои не бредъ!
 Твой сынъ увидѣлъ вѣчный свѣтъ
 Въ моихъ словахъ. Душа его
 Тогда отъ слова моего
 Свѣтъ истины переняла.
 Кумировъ, порожденья зла,
 Онъ свергъ въ душѣ. Но если ты
 Ещё не видишь пустоты
 Ничтожныхъ, суетныхъ боговъ,
 Ты собери своихъ враговъ,
 Всѣхъ христіанъ со всѣхъ концовъ.
 Халдейскихъ умниковъ-глупцовъ,
 Что мнать премудрыми себя,
 Безумство глупости любя,
 По всей странѣ ты созови
 И споръ великій объяви.
 Ты мудрость, царь, увидишь самъ.
 Велерѣчивымъ словесамъ
 Глупцовъ халдейскихъ ты не вѣрь.
 Уразумѣй Христову дверь!
 И ей рѣшительно войди
 И мудрость древнюю найди.
 Но, если мудрость ты найдёшь
 Въ словахъ лукавнующихъ — что жъ!

Тогда проигранъ будетъ споръ,
И сынъ твой, видя нашъ позоръ,
Къ теб# вернётся всей душой».
И царь отв#тилъ: «Хорошо».
Онъ былъ доволенъ, потому
Меня онъ сыну своему
Въ тотъ страшный вечеръ показалъ.
Царевичъ будто бы узналъ
Отца и старца. Только взгляды
Въ немъ отражалъ презр#нья хладъ:
«Прив#гствую, о Варлаамъ!
Я знаю, ты пришёлъ не самъ.
Ты заслужилъ такую честь.
Меня заставилъ предпочесть
Ты многобожію Христа,
Вся жизнь земная – суета.
Я такъ усвоилъ твой урокъ?
Но всё-таки, пошло ли въ прокъ
Твоё ученье? Оттого
Съ отцомъ пров#рю я его.
Учи, мудрецъ, что если ты
Не защитишь свои мечты
О жизни в#чной – можетъ быть,
Тогда ты в#чно будешь гнить
Въ темниц# т#сной и сырой,
И не обрящешь ты покой
Душ# своей, и ты поймёшь,
Сколь мн# презр#нна эта ложь».
Я испугался... и кивнулъ,
И только тяжело вздохнулъ:
Не зная, вопреки судьб#,
Я яму выкопалъ себ#.
Я выступалъ передъ толпой
Халдейскихъ умниковъ. Со мной
Одинъ лишь былъ: вс#хъ христіанъ
Убилъ безжалостный т#ранъ.
И понялъ я: проигранъ споръ.
Тогда, свой чувствуя позоръ,
Воззвалъ я мысленно, какъ могъ:
«Помилуй, христіанскій Богъ!»
И я увид#лъ тьму вокругъ.
Но, тьму пронзивъ, явился вдругъ
Прекрасный св#тъ. Онъ какъ живой
Тогда явился предо мной.
Великій страхъ меня объялъ.
Но тихо св#тъ ко мн# сказалъ:
«Дерзай, Нахоръ! См#л#й скажи
Всё то, что на душ# лежитъ,
Въ ея сокрытой глубин#».

И я увид#ль, какъ во мн#
Вверхъ рвётся св#тъ изъ глубины.
И пламя, вырвавшись изъ тьмы,
Вошло и въ сердц#, и въ уста,
И неба миръ и красота
Тогда явились предо мной,
И, сд#лавъ людямъ знакъ рукой,
Я началъ длительную р#чь,
Желая Небо уберечь
Отъ демоническихъ враговъ:
«Я Варлаамъ, слуга Христовъ.
Я вид#ль неба вышину,
Безднъ океанскихъ глубину,
Я вид#ль камни и песокъ
И птицъ, полётъ ихъ былъ высокъ,
И, созерцая, размышлялъ
О Бог#, Кто сіе создалъ.
И понялъ я: Творецъ всего
Себ# не проситъ ничего:
Ни жертвъ безчисленныхъ даровъ,
Ни об#щаній многихъ словъ.
Въ Его рукахъ и жизнь, и смерть,
И небо, и земная твердь.
Объемлющій вселенной кругъ,
Господь надъ д#ломъ мудрыхъ рукъ,
Онъ не нуждается ни въ чёмъ,
Но купно тварь едина въ Нёмъ».
И предъ язычниками я
Боговъ, ихъ глупость не тая,
Спокойно, тихо низложилъ.
Изсл#довать я предложилъ
То, что богами люди чтятъ,
Вкушая сладострастный ядъ.
Подробно изложить сум#ль
Я суть религій. Не посм#ль
Никто отв#титъ мн# – не смогъ.
И я сказалъ: «Христосъ нашъ Богъ!»
Я поб#дилъ, но до сихъ поръ
Не знаю, какъ я выигралъ споръ.
Царевичъ радъ былъ. Оттого
Меня, какъ гостя своего
Онъ принялъ. Только понялъ я:
Ошиблась въ нёмъ душа моя.
Сказалъ онъ: «Всё изв#стно намъ.
Я знаю: ты не Варлаамъ,
Языческій мудрецъ Нахоръ.
Ты не мудрецъ, ты – лжецъ и воръ!
Но в#рю: въ душевной глубин#
Есть св#тъ, противящійся тьм#.

Не устрашайся ты людей,
Пусть не смутить тебя слод#й!
Иди за Солнцемъ на восходъ,
Быть можетъ, какъ-нибудь взойдѣтъ
Оно въ теб#». Отв#гилъ я:
«Печальна много жизнь моя!
Какъ св#тъ приму я?“ „Ты постой!
Не прикрывайся ты судьбой!
Сильна творящая Любовь,
Ты въ ней увидишь св#та новъ,
И покаяніе придѣтъ,
И въ душу св#тъ теб# войдѣтъ», —
Царевичъ радостно сказалъ.
Я со слезами отв#чалъ:
«Ты правъ. Мн# трудно средь людей
Отречься суетныхъ идей!
Мн# ближе слава и почѣтъ,
Что духъ пл#няетъ и влечѣтъ,
М#шая разумъ мн# открыть
Для в#ры, что хот#лъ я скрыть.
Но какъ сокрыть средь многихъ думъ
Познанья жаждающій умъ?
Знакомы мн# твои слова,
Но в#ра, что въ теб# жива,
Меня не трогала. И вотъ
Я слышу голосъ – Богъ зовѣтъ.
Ему я в#рю, и теперь
Для лжи я закрываю дверь».
И долго плакалъ я потомъ.
И такъ покинувъ царскій домъ,
Пошѣлъ я прямо на востокъ.
И покаянныхъ слѣзъ потокъ
Тогда я пролилъ. И въ пути
Мн# посчастливилось найти
Пещеру эту. Въ ней сид#лъ
Старикъ с#дой, онъ Богу п#лъ
Хвалы псаломскія. Тогда
Я съ нимъ остался навсегда.
Крещѣнный кровью и водой,
Я самъ теперь старикъ с#дой.
Таковъ мой путь изъ глубины
Бездонной, непроглядной тьмы».
И боль пронзила пустоту.
«Я обречѣнъ! Не обр#ту
Я св#тъ, сіяющій въ теб#.
Я весь порабошѣнъ судьб#!
Зд#сь, въ в#чныхъ узахъ, плачь и стонъ,
Зубовный скрежетъ, чѣрный тронъ
Святой, непоб#димой Тьмы.

Зд#сь бесконечно будемъ мы!
Мн# не доступенъ этотъ св#тъ,
И дикий христіанскій бредъ
Я не услышу! Ты пов#рь,
Передо мной закрыта дверь
Въ сіяющій небесный градъ,
Мн# душу разрываетъ адъ!
Но гд#-то въ чёрной глубин#
Есть св#тъ, противящійся тьм#.
Ещё я челов#къ», – изрёкъ
Въ кровавой мантии пророкъ.

IV. Заклинатель

«Н#тъ, Одинокій, ты не правъ.
Смири свой горделивый нравъ, —
Другой старикъ сказалъ ему. —
Тебя я, можетъ быть, пойму.
Но ты мою послушай р#чь,
Какъ Богъ сум#лъ меня сберечь.
Волшебникъ #евда – дикий страхъ
На добрыхъ, праведныхъ сердцахъ.
Ты слышалъ, можетъ, обо мн#,
Душа, кипящая въ огн#.
Теб# ль д#ла мои не знать!
Я могъ бол#зни насылать,
Раздоры, зависть и чуму,
И неподвластное уму.
Слуга астрала и т#ней,
Я былъ угрозой для людей.
Довольно было одного
Лишь имени имъ моего,
Чтобъ ужасъ охватилъ сердца.
Достоинъ адскаго в#нца
Я былъ поистин# тогда.
Кровавыхъ демоновъ орда
Служила мн#. Иль я служилъ
Т#мъ силамъ, коими я жилъ?
Узналъ я: добрый царь-отецъ
Для сына выстроилъ дворецъ
И оградилъ со вс#хъ сторонъ.
Зат#мъ, чтобъ не увид#лъ онъ
Людскую боль и старость т#ль,
И чтобъ творилъ онъ, что хот#ль,
Не зная ужаса и т#хъ,
Кто поб#дилъ соблазнъ и гр#хъ.
Но тщетно: царь не усл#дилъ,
Какъ близко-близко врагъ бродилъ,
Что пропов#дывалъ Христа.

И та святая простота
Ув#рвала. Ужасъ, страхъ
Я въ царскихъ увидалъ глазахъ,
Когда явился во дворецъ,
Какъ приказалъ мн# царь-отецъ.
Промолвилъ я: «Не бойся, царь.
Я думаю, что ты, какъ встарь
Священныхъ чествуешь боговъ.
Ты поб#дишь своихъ враговъ,
Вс#хъ недобитыхъ христiанъ,
Но честь священн#йшимъ богамъ
Воздай душою ты своей,
И много крови ты пролей
На алтари боговъ, и ты
Исполнишь вс# свои мечты».
И царь устроилъ знатный пиръ,
И прибылъ, кажется, весь миръ
На это пиршество – воздать
Хвалу богамъ своимъ и дать
Имъ жертву щедрою рукой.
Но не нашёлъ себ# покой
Лишь царскій сынъ. Отъ суеты
Б#жалъ онъ для своей мечты.
Онъ былъ одинъ. Въ глухой тоск#
Перстомъ своимъ онъ на песк#
Писалъ ана#ему богамъ.
Онъ ненавид#лъ шумъ и гамъ,
Веселье и козлиный см#хъ,
Что, в#рно, былъ уд#ломъ вс#хъ
На демоническомъ пиру.
И въ той горячк#, въ томъ пылу
Я, опьян#въ, упалъ безъ силъ.
Холодный потъ меня пробилъ:
Увид#лъ я Его глаза
И небо... Чистая слеза
Тогда съ моихъ упала глазъ.
И я очнулся. Въ тотъ же часъ
Мы снова принесли дары
Богамъ любимымъ, чтобъ пиры
Не прекращались никогда.
Не вышибетъ уже тогда
И малую слезинку ту
Святой ликъ Неба. Пустоту
Мы воспоёмъ въ душ# своей.
И пиръ продлился много дней.
Богамъ угодна наша честь,
И упоительная лесть
Какъ п#сня услаждала слухъ
Тому, кто къ истин# былъ глухъ.

Сказаль царю я: «Господинъ!
Правитель н#когда одинъ
Им#ль насл#дника, и онъ
Бродить во тьм# былъ обречёнъ
Нав#рно, л#тъ до десяти.
Мал#йшій св#тъ не могъ пройти
Сквозь тьму, коснувшись слабыхъ глазъ.
Врачи сказали безъ прикрасъ,
Что если онъ увидить св#тъ
До кр#пкихъ отроческихъ л#тъ,
То онъ осл#пнетъ навсегда.
Царь позаботился тогда,
Чтобъ св#тъ не вид#ль сынъ. Ну вотъ,
Прошли т# годы, и черёдъ
Насталь открыть предъ сыномъ міръ.
И царь, богамъ устройъ пиръ,
Послаль царевича съ слугой,
Чтобъ міръ увид#ль онъ земной.
И царскій сынъ увид#ль жёнъ,
И былъ пріятно поражёнъ.
«Кто это?» – онъ спросилъ тогда.
«А, это демоны! Всегда
Они людей палятъ огнёмъ.
Прохладной ночью, жаркимъ днёмъ
Отъ нихъ нигд# покоя н#тъ.
Предъ ними солнца меркнетъ св#тъ,
И поражаютъ даже тьму,
И неподвластное уму
Съ людьми творится, стоитъ имъ
Поддаться чарамъ колдовскимъ», —
Слуга отв#тилъ такъ шутя,
Чтобъ позабавилось дитя.
Когда же вечеромъ юнецъ
Домой вернулся во дворецъ,
Отецъ сказалъ ему: «Сынокъ!
Нав#рно, многое ты смогъ
Подъ солнцемъ радостнымъ узр#тъ.
Пусть оно ласкаетъ впредь,
Окр#пшій отроческій взоръ.
Цв#товъ ли полевыхъ узоръ,
Иль неба синь и глубина,
Иль птицъ парящихъ вышина —
Чего бы не касался взглядъ,
Ты это былъ увид#тъ радъ».
Но сынъ отв#тилъ: «Жаркимъ днёмъ
Я вид#ль демоновъ. Огнёмъ
Сердца людей они палятъ.
Я только ихъ былъ вид#тъ радъ.
Отецъ, цв#ты и небеса

Предъ ними меркли, и глаза
 Мои смотр#ли лишь на т#хъ,
 Кто ввёлъ меня въ соблазнъ и гр#хъ».

Такъ, царь ты мой, увид#въ жёнъ,
 Царевичъ будетъ поражёнъ,
 Христа онъ бросить ради нихъ,
 Почтить s#ло боговъ твоихъ.
 Есть дочка у меня одна,
 Что въ обольщеніи сильна.
 Я приведу её. Въ ту ночь
 Твой сынъ мою познаетъ дочь:
 Въ союз# плоти и страстей
 Благопріятныхъ жди в#стей».

Нашёлъ я дочь свою. Она
 Недугомъ злымъ была больна,
 Что поселилъ я въ ней: слой духъ,
 Къ словамъ моимъ отверзши слухъ,
 Въ неё вселился, и игралъ
 Онъ съ нею ловко. Я сказалъ:
 «Суккубъ покорный! Мой приказъ
 Услышь немедля! Въ сей же часъ
 Иди къ царевичу. Съ пути
 Въ нед#лю долженъ онъ сойти».

«Я обольщу его, мой другъ.
 Сомн#нья въ д#л# гр#шныхъ рукъ
 Къ себ# ты въ сердц# не пускай.
 Д#вицы душу мн# отдай!
 Я обучу её всему,
 Она в#рна мн#. Потому
 Красива, страстна и умна,
 Съ душою праведной должна
 Она искусно совладать.
 Недолго намъ осталось ждать.
 Я предвкушаю этотъ часъ,
 Въ свой міръ почти впустилъ онъ насъ», —

Отъ демона слышалъ я.
 Имъ одержима, дочь моя
 Къ царю явилась во дворецъ.
 И царь, заботливый отецъ,
 Нев#сту сыну показалъ,
 Ихъ, отведя въ просторный залъ,
 Онъ заперъ. Не прошла и ночь,
 Какъ дочь моя сб#жала прочь,
 Твердя, что, выслушавъ ручей
 Нравоучительныхъ р#чей,
 Она не можетъ соблазнить
 Того, кто всласть не хочетъ жить.
 Тогда подумалъ я, что самъ
 Велер#чивымъ словесамъ

Свою въ отвѣтъ явлю я лѣсть,
 И въ душу я сумѣю влѣзть.
 Такъ познакомился я съ нимъ.
 Желаньемъ пламеннымъ томимъ
 Мечты небесныя пресѣчь,
 Я изострилъ словесный мечъ,
 Призвавъ на помощь духовъ сла,
 Имъ всѣмъ во адѣ нѣсть числа.
 Но я ошибся: зналъ юнецъ,
 Гдѣ есть начало и конецъ.
 Сказалъ онъ: «Въ нѣкоторый вѣкъ
 Жилъ въ этомъ мірѣ человѣкъ,
 Великимъ скульпторомъ онъ былъ,
 Героямъ ставить онъ любилъ
 Столбы и статуи. Потомъ,
 Когда уснулъ онъ вѣчнымъ сномъ,
 На горе, будто бы живымъ,
 Народъ сталъ поклоняться имъ».
 Но я сказалъ: «Подумай, вѣдь
 И мудрецы уразумѣтъ
 Сумѣли истину въ богахъ!
 Ихъ словеса внушали страхъ,
 Вѣдь люди цѣнятъ мудрость“. „Но
 Не мной давно ужъ рѣшено,
 Что всѣ людскіе мудрецы,
 Навѣрно, первые глупцы.
 Не нахожу я даже словъ,
 Какъ вашихъ мнѣ назвать боговъ.
 Зачѣмъ богами люди чтятъ
 Тѣхъ, кто не можетъ сѣсть и встать?
 Зачѣмъ велишь ты мнѣ любить
 Не могущихъ ни сѣсть, ни пить?
 Зачѣмъ велишь ты видѣть свѣтъ
 Во тьмѣ, въ которой жизни нѣтъ?» —
 Отвѣтилъ царскій мнѣ юнецъ.
 Тогда подумалъ я: глупецъ
 Я передъ нимъ стою. И въ мигъ
 Я головой своей поникъ.
 Вдругъ наважденъ предо мной
 Явилось будто бы впервой:
 Огня пылающаго кругъ,
 Одинъ я въ немъ. Но съ силой вдругъ
 Огонь взметнулся. И тогда
 Явилась демоновъ орда.
 И въ томъ мучительномъ огнѣ
 Они открыли душу мнѣ:
 Всѣ то, чѣмъ нѣкогда я жилъ,
 Что такъ любилъ, чѣмъ дорожилъ,
 Безсильно передъ тѣмъ юнцомъ.

Какимъ же былъ тогда глупцомъ
 Колдунъ великій! Проклялъ я
 Всѣ, чѣмъ жила душа моя.
 Её я продалъ богу тьмы,
 Что многихъ соблазнилъ умы,
 Но, духомъ праведнымъ сражёнъ,
 Передъ Христомъ безсиленъ онъ:
 Достоинъ лишь презрѣнья духъ,
 Что къ Истинѣ священной глухъ.
 Я понялъ это, и тогда
 Сказалъ царевичу: «Бѣда —
 Безъ вѣдѣнья бродить во тьмѣ.
 Мой другъ, прошу, скажи же мнѣ,
 Христосъ твой мудръ и могучъ,
 Но духъ мой скрылся въ толщѣ тучъ,
 Скажи мнѣ, какъ же эту тьму
 Разрушить духу моему!
 Какъ мнѣ увидѣть этотъ свѣтъ?
 Ты знаешь, я вѣдь столько лѣтъ
 Звалъ духовъ бездны и огня.
 Но Богъ твой приметъ ли меня?»
 Сказалъ царевичъ мнѣ: «Твой духъ,
 Коль къ Слову Божьему не глухъ,
 То ты слова мои прими:
 Ты только руку протяни,
 И Свѣтъ небесъ въ тебя войдѣтъ,
 Въ нёмъ падшій духъ покой найдѣтъ».
 Я покорился. Побѣждалъ
 Я прочь оттуда, и искалъ
 Пріютъ я для души своей.
 Пробывъ въ скитаньяхъ много дней,
 Нашёлъ пещеру я. Сидѣлъ
 Въ ней старецъ, и Христу онъ пѣлъ
 Хвалы псаломскія. Тогда
 Я съ нимъ остался навсегда.
 Крещённый кровью и водой,
 Я самъ теперь старикъ сѣдой.
 Такъ шёлъ изъ ада я, и Свѣтъ
 Сквозь тьму и толщу многихъ лѣтъ
 Проникъ въ меня, собой пронзилъ —
 Онъ душу мнѣ преобразилъ».
 Въ кровавой мантии пророкъ
 Воскликнулъ громко: «Вышелъ срокъ!
 И покаянью моему
 Нѣтъ мѣста въ Небѣ, потому
 Избралъ я бездну пустоты.
 Мнѣ чужды свѣтлыя мечты!
 Мнѣ ненавистенъ этотъ свѣтъ!
 Черезъ скитанья многихъ лѣтъ

Его нашли вы. Небеса,
Святыхъ, нав#рное, глаза
Являютъ въ мiр#. Но уму
То неподвластно моему.
Неумолимъ Христосъ, не ждѣтъ,
И время движется вперѣдъ,
И очень скоро навсегда
Разстанемся мы, и тогда
Вы душу вспомните мою!
Не дайте адскому зв#рью
Въ ней челов#чное изжить!
Желаю со Христомъ я жить!
Я, а не тотъ, другой, во мн#,
Что душу мучаетъ въ огн#
И самъ имъ мучимъ. Не могу
Служить я своему врагу!
Мн# ближе Бездна. Только вновь
Хочу я чувствовать любовь!
Уже я чувствую! Но н#тъ!
Мн# ненавистенъ этотъ св#тъ!»

V. Освобожденіе

Священный св#тъ увид#въ, онъ
Былъ дикой слобой пораженъ,
Не въ силахъ слышать тихій гласъ,
Что звалъ его въ полнощный часъ.
Въ пещер# тѣмной засіялъ
Прекрасный чистый св#тъ. Сказалъ
Онъ т#мъ, кто ждалъ его: «Пора.
Борьбы духовная игра
Уже окончена. Теперь
Вамъ въ в#чный св#тъ открыта дверь.
Въ священный св#тъ войди и ты,
Слуга бездонной пустоты,
Ты много каялся тогда.
Тебя простилъ Я навсегда.
Но самъ ты выбралъ эту тьму,
Что ближе духу твоему».
Но боль пронзила пустоту.
«Перешагнулъ я ту черту!
Ты былъ отвергнутъ мной нав#къ,
Ты чуждъ мн#, Богъ и Челов#къ!
Но сло не в#чно. Можетъ быть,
Въ душ# своей желая жить,
Съ Тобой я встр#чусь, и тогда
Не разлучить насъ никогда
Ничто. Отцомъ Ты будешь мн#,
Теб# я сыномъ. Но въ огн#

Горить пока душа моя.
Ты знаешь, сколько гр#шенъ я!» —
Отв#тилъ падшій. Св#тъ сказалъ:
«Какъ долго Я тебя искалъ,
Простить желая! Только тьма
Мил#й для твоего ума.
Её забылъ въ теб# Я, ты
Забылъ небесныя мечты».
И падшій выкрикнулъ тогда:
«Тогда забудемъ навсегда
Другъ друга мы! И потому
Я нын# ухожу во тьму,
Гд# буду в#чно пребывать».
«Тебя Я в#чно буду ждать! —
Тогда съ надеждой молвилъ св#тъ. —
А вы, что ждали столько л#тъ,
Прошу, на пиръ идите Мой,
Пребудьте въ в#чности благой,
Нахоръ и #евда! Дивный гласъ
Съ Небесъ давно зовётъ ужъ васъ».
И св#тъ исчезъ. И этотъ міръ,
Уйдя съ нимъ на небесный пиръ,
Они покинули. Пророкъ
Въ кровавой мантии изрёкъ:
«Уймись во мн#, небесный гласъ!
Ещё не пробилъ этотъ часъ,
Когда и я Тебя найду!
Ну, а пока душа въ аду
Страдаетъ, мучится моя.
Христось, къ Теб# взываю я!
Услышь во мн# небесный гласъ!
Прошу, ускорь Ты этотъ часъ!»

16. 08. 2008

Легионъ

I. Штиль

Сл#пое зеркало воды
И тишина... Но жди б#ды
Средь этой адской тишины.
При св#т# мертвенной луны
Плыла печальная ладья,
Въ ней грёбъ неслышно, боль тая,
Незримый бл#дный челов#къ.
Онъ ненавид#лъ этотъ в#къ,
Плывя неслышно въ тишин#,
Взывая мысленно къ лун#:
«О, одинокая! Съ тобой
Нав#къ мы связаны судьбой!
Скажи, печальная луна,
Скажите, ночь и тишина,
Прошу, скажите моему
Во тьм# бродящему уму,
Какъ превзойти мн# мiръ земной,
Блаженный обр#тя покой?
Храня зав#тныя мечты,
Я не обр#лъ ихъ. Но тщеты
Вкусилъ я много. Ничего,
Для счастья въ мiр# моего
Я не нашёлъ. Мн# тошень онъ.
Зд#сь адъ во плоти, боль и стонъ,
Зд#сь н#тъ возвышенной любви,
Зд#сь счастье строить на крови,
Зд#сь похоть свойственна сердцамъ,
А власть дов#рена глупцамъ,
Зд#сь м#ста н#тъ мн#. Какъ мн# быть?
Усталъ я! Ненавистно жить».
Лишь тусклый св#тъ дала луна,
И отмолчалась тишина.

II. Призракъ

На мелкой ряби св#тъ луны
Пронзилъ пространство водной тьмы
Сл#пой дорогой въ пустоту.
«Безсильны вы! Не обр#ту
Я истину въ течень# дней», —
Такъ думалъ онъ, плывя по ней.
Тоска и боль влад#ли имъ,
И, тяжелой мыслию томимъ,
Онъ плылъ неслышно. Въ чёрный берегъ

Уставилъ взоръ свой человѣкъ,
Безъ смысла глядя въ мракъ дали —
Полоску чѣрную земли.
Изъ мрака тихо вышла тьма.
Созданьемъ бездны иль ума
Быль этотъ тѣмный силуэтъ?
Мертвенно-блѣдный лунный свѣтъ
Не освѣщаль тотъ сгустокъ тьмы.
«Скажи мнѣ, призракъ тишины! —
Въ безсилъѣ крикнулъ человѣкъ. —
Жестокой жизни скорый бѣгъ
Меня изранилъ. Онъ убилъ
Всѣ то, что въ жизни я любилъ.
Хоть ты услышь меня! Скажи,
Какъ избѣжать мнѣ міра лжи?
Какъ мнѣ узрѣть любовь и свѣтъ?
Скажи мнѣ, тѣмный силуэтъ!»
И тьма заговорила съ нимъ:
«Я ждалъ тебя. Я былъ однимъ
Изъ тѣхъ, кто призракамъ служилъ.
Недолгую я жизнь прожилъ
Въ своёмъ безумнѣйшемъ аду.
Я думалъ: «Можетъ быть, приду
Я къ пониманью. И прозритъ
Душа, что столько лѣтъ болить».
Безильнымъ призракомъ бродить,
Искать покой, не находить
Усталъ я, тщетностью томимъ
Найти спасителя, чтобъ имъ
Я жилъ, и онъ бы сжился съ мной,
Печальной, страждущей душой.
Ты, человѣче, зришь меня!
Ты помоги мнѣ отъ огня
И бездны демонской спастись!
Душа моя стремилась ввысь,
Къ незримому. Но, падшій духъ,
Я къ истинѣ священной глухъ.
Ты помоги оставить тьму!»
«Но ты скажи мнѣ, почему
Меня избралъ ты? Можетъ быть,
Я вовсе не желаю жить.
Я ненавижу этотъ свѣтъ», —
Такой послѣдовалъ отвѣтъ.
«Но нѣтъ! — отвѣтилъ призракъ. — Вѣдь
Не зря земная эта твердь
Твои удары сносить ногъ.
Я вижу, ты къ себѣ не строгъ,
Ты слабый смертный. Только я
Тебѣ открою не тая:

Желая истину найти,
 Свернул ты съ в#рнаго пути.
 Я помогу теб#“. „Но тьм#
 Какъ мн# дов#риться вполн#?» —
 Отв#тилъ смертный“. „Можетъ быть,
 Ты в#чно такъ желаешь жить
 Въ нев#д#нь# и пустот#,
 Надеждъ и поисковъ тщет#?
 Послушай, смертный, кинь ты с#ть
 Ошую лодки – жизнь и смерть
 И громкій, молчаливый гласъ
 Уловишь ей ты въ тотъ же часъ», —
 Отв#тъ посл#довалъ. А тьму
 Услышать гр#шному уму
 Легко, в#дъ всл#дствіе родства
 Ея правдив#е слова.
 И очень скоро при лун#
 Былъ удовлетворёнъ вполн#,
 Сребро считая рыбихъ спинъ,
 Тотъ челов#къ. «Мой господинъ! —
 Онъ крикнулъ. – Вижу, ты пророкъ!»
 «Я знаю, что наступить срокъ,
 Ты съ истиной захочешь быть,
 Людей научишься ловить,
 И я смогу теб# помочь», —
 Промолвилъ призракъ. «Я не прочь.
 Прошу, води меня скор#й!
 Я буду первымъ средь людей!
 Я буду знаніемъ влад#ть,
 Мн# покорятся жизнь и смерть,
 И этотъ міръ, и этотъ в#къ!» —
 Съ надеждой молвилъ челов#къ.
 Сказала тьма: «Иди за мной».

И смертный ужъ не спорилъ съ тьмой.
 Пришли на кладбище. «Смотри!
 И ничего не говори», —
 Услышалъ смертный страшный гласъ.
 И онъ увид#лъ въ тотъ же часъ
 Усопшихъ пляску при лун#.

Они, танцуя въ тишин#,
 Другъ друга хоронили. «Ты, —
 Промолвилъ сгустокъ темноты, —
 Остави мёртвымъ мертвецовъ
 На погребенье. Т#хъ глупцовъ
 Ужъ не изм#нить ничего.
 Но ты, желая одного —
 Прозр#нья для души своей —
 Отвергни ложъ пустыхъ людей
 И мн# дов#рься. И со мной

Ты справишься съ давящей тьмой
И мн# поможешь вид#ть св#тъ.
Скажи, согласенъ или н#тъ
Ты мн# служить, чтобъ я теб#
Служилъ насло своей судьб#?»
И челов#къ отв#тилъ: «Жить
Въ раздумь# св#тломъ, можетъ быть,
Ты жаждешь бол#е, ч#мъ я.
Прозр#нья ждѣтъ душа моя!
Съ тобой едины мы въ пути.
Веди же! Можетъ быть, найти
Смогу я истину съ тобой.
Но погоди, вернусь домой
И разберу я свой уловъ».
«Забудь про свой надёжный кровь!
Желая истину искать,
Не оборачивайся вспять, —
Сказала тьма. — Со мной ты, но
Пусть будетъ твердо р#шено:
Иди за мною!» Молвилъ — вдругъ
Въ безумной ярости вокругъ
Огонь взвился. Исчезла тьма.
Фигурой красною она
Въ огн# явилась. «Видишь ты,
Каковъ служитель пустоты» —
Взрев#ль тотъ страшный челов#къ. —
Я ненавижу этотъ в#къ,
Какъ ты! Теперь ты — часть меня.
Пойдѣмъ, спасѣмся отъ огня».
И челов#къ пришѣлъ безъ словъ
Туда, гд# рыбъ лежалъ уловъ.
И страшень былъ безмолвныхъ взглядъ:
Пылая, отражался адъ
Въ ихъ круглыхъ, мертвенныхъ глазахъ.
Обжѣгъ холодный, липкій страхъ,
И молвилъ челов#къ: «Со мной
Что сд#лаешь ты, демонъ мой?»
И рыбы вспыхнули огнѣмъ,
И стало вдругъ св#тло какъ днѣмъ,
И въ душу смертному вошли,
Пылая Бездною. Нашли
Пріютъ въ ней демоны себ#.
«Свершилось! Вв#рена теб#
Теперь иная будетъ боль:
Соединилось много воль
Въ теб#. Дов#рься имъ. Съ тобой
Нав#ки мы, прозр#вший мой! —
Отв#тилъ демонъ. — Мн# внимай
Душой своею, смертный. Знай

Предназначенье жизни сей:
Иди, стремись душою всей
Быть свѣтомъ истины, любви
И души падшія зови
Къ прозрѣнію. Самъ богомъ будь,
Души скитанія забудь.
Нѣтъ сла, ни дѣлъ его, а тьма —
Лишь измышленіе ума.
Средь тщетныхъ, суетныхъ идей
Забыли то среди людей.
Ты просвѣти ихъ, и тогда
Они забудутъ навсегда
Всю слую тщетность. Вѣчный свѣтъ
Собой избавить ихъ отъ бѣдъ.
И души вырвутся изъ тьмы,
И рухнетъ царство сатаны.
Ты приготовься. И забудь
Земныхъ исканій долгій путь.
Дамъ имя новое тебѣ.
Прошу, покорень будь судьбѣ!
И голосъ вдругъ возвысилъ онъ:
«Свое знай имя, Легионъ!»

III. Легионъ

Очнулся онъ въ кромѣшной тьмѣ.
«Я гдѣ?» — подумалось въ умѣ.
Во тьмѣ сталъ щупать онъ вокругъ.
Рука его наткнулась вдругъ
На что-то мягкое. И онъ
Былъ мыслью страшной поражѣнъ,
Пронзилъ его холодный страхъ:
Предъ нимъ, сокрытый въ пеленахъ,
Лежалъ безчувственный мертвецъ.
«О, это смерть! И мнѣ конецъ!
Я запертъ въ склепѣ! Гдѣ же ты?
Услышь меня изъ темноты!» —
Въ отчаяньѣ воскликнулъ онъ.
И изъ груди прорвался стонъ,
И сердце разорвала боль.
И молвила одна изъ воль:
«Отнынѣ ты прозришь во тьмѣ,
Рабъ, преданно служащій мнѣ».
И онъ прозрѣлъ, и въ тотъ же часъ
Какъ будто свѣтъ изшѣлъ изъ глазъ,
Вскрывая мракъ внутри слыхъ стѣнъ:
Сырой гробницы мрачный плѣнъ
Давилъ его со всѣхъ сторонъ.
Остановился взглядомъ онъ

На т#л#. «Женщина», – на мигъ
 Промчался мысли сжатый крикъ.
 Его манило что-то къ ней,
 И онъ пошѣль, и съ силой всей
 Онъ ткань съ главы ея сорвалъ
 И склепный духъ въ себя вобралъ,
 И въ ледяную сладость губъ
 Онъ впился. «Какъ же былъ я глупъ,
 Не зная страсти къ мертвецамъ!
 Но что со мной? Ужель я самъ,
 Иль это тотъ, другой, во мн#,
 Что вид#ть можетъ и во тьм#,
 Къ губамъ жены умершей льнѣть?
 Но холодящій сладокъ мѣдъ, —
 Такъ думалъ онъ, – пріятенъ столь...
 Но н#тъ! Не рабъ я этихъ волей! —
 Отпрянувъ, выкрикнулъ онъ. – Н#тъ!
 Хочу я Солнца вид#ть св#тъ!»
 И смертный яростно взрев#лъ.
 Зубами сло онъ заскрип#лъ
 И ст#ну кр#пкую пробилъ,
 И св#тъ глаза ему пронзилъ.
 «О Солнце страшное! Ты мн#
 Глаза палишь въ своёмъ огн#», —
 Онъ возопилъ, и потому
 Обратно онъ ушѣль во тьму.
 Но былъ уже безсиленъ онъ,
 Въ нёмъ правилъ нын# Легионъ,
 И тысячи незримыхъ волей
 Погнали вновь его на боль.
 Кровавый потъ съ лица стекалъ,
 Взглядъ Солнца очи выжигалъ,
 Но молча шѣль онъ возв#щать
 О томъ, что каждый можетъ стать
 Безъ Бога богомъ на земл#,
 И умъ, блуждающій во мгл#,
 Очистить, истину познавъ
 И ц#пи міра разорвавъ,
 Его законы отм#нить
 И новый міръ въ себ# творить,
 Въ себ# узр#въ спасень#. Но
 Лишь равнодушіе одно
 Встр#чалъ онъ на пути своёмъ:
 Иной безумца вид#лъ въ нёмъ,
 Другой пророковъ изучалъ:
 Въ мечтахъ Мессію онъ встр#чалъ,
 Разрушенный онъ вид#лъ Римъ
 И думалъ: лицом#рья гримъ
 Тетрархомъ сд#лаетъ его.

Иной былъ простъ, и оттого
Не понималъ ни слова онъ.
И раздражёнъ былъ Легіонъ.
«Глупцы! – взрев#ль онъ. – Видно тьма
Мил#й для вашего ума!
Я научу васъ вид#ть св#тъ!
Таковъ вамъ будетъ мой отв#тъ:
Невинная земная твердь
Узритъ сегодня кровь и смерть!»
И челов#ка увидалъ
Безвинного, и разорвалъ
Его на части Легіонъ,
И страхомъ былъ онъ поражёнъ,
Убійца сильный. Поб#жалъ
Онъ въ склепъ, гд# хладный трупъ лежалъ.
Но т#ла не было тамъ. «Ты,
Слуга бездонной пустоты! —
Въ отчаянь# воскликнулъ онъ. —
Какимъ безумствомъ поражёнъ
Я въ одержимости. Со мной
Что д#лаешь ты, демонъ мой?»
Сказалъ въ нёмъ голосъ: «Ты пойми,
Добиться власти надъ людьми
Не сможешь ты легко въ сей в#къ:
Погибшій, падшій челов#къ
Вполн# доволенъ самъ собой.
И тошной жизнію земной
Онъ наслаждается вполн#.
Міръ обречёнъ сгор#ть въ огн#.
Онъ уничтожитъ самъ себя,
Тщету порока возлюбя.
И близко сло въ людскихъ сердцахъ.
Забывъ совс#мъ про Божій страхъ,
Спасенія любой ц#ной
Желаешь міръ порочный твой,
Мессію ждѣтъ онъ. Но найдѣтъ
Онъ в#ру ли, когда придѣтъ
Въ порочный, страшный, дикій міръ?
Не для Него зд#сь будетъ пирь!
Пріюта не обрящетъ Онъ
Тамъ, гд# Мессія обречёнъ
Лишь на забвеніе и боль.
А множество порочныхъ волей
Въ посл#дній свой, предсмертный, часъ
Искать спасенья будутъ въ насъ:
Священнымъ слове назовутъ,
Съ небеснаго пути собьютъ
Себя безъ насъ он#. Зат#мъ,
Наполнивъ Бездну тьмою темъ,

Собою переполнять адъ,
И міръ уйдётъ во тьму и хладъ». «Убилъ я нын# одного!
Скажи мн#, сколько же всего
Ещё я долженъ погубить,
Желая истину любить?
Что я творю въ своей любви?
Любовь не строятъ на крови!
Мой Покровитель, ты скажи,
Служу ль я правд# или лжи,
Несу ли я въ себ# порокъ,
Или любовь?» – спросилъ пророкъ.
«О чемъ спросилъ ты, Легіонъ?
Міръ полонъ сла, пороченъ онъ!
Но ты не в#рь ему, в#рь мн#,
Но Аваддону-сатан#
Не в#рь ты: демонъ полонъ лжи.
Я столько л#тъ ему служилъ!
Съ тобой мы станемъ боги. Знай:
Мы собственный построимъ рай!
Пока же мукамъ н#тъ конца», —
Отв#тилъ призракъ безъ лица.
И, утомлённый, Легіонъ
Какъ будто погрузился въ сонъ.
И время потекло предъ нимъ.
Истомой сонною томимъ,
Не зам#чалъ онъ ничего,
Желая только одного:
Спасти и вырваться изъ тьмы.
А падшихъ многіе умы
Ему твердили: «Погоди,
Не торопись, не уходи!
Ты не избавишься отъ насъ!
Зри, Легіонъ, свой судный часъ:
Неразд#лимою судьбой
Соединились мы съ тобой,
Нав#ки съ нами ты вполн#.
Служи, презр#нный, нашей тьм#!»
И, страхомъ дикимъ одержимъ,
Чужою волею гонимъ
Онъ былъ – нести ученье вновь,
И снова проливалась кровь
За челов#ка божество.
Души израненной вдовство
Стенало, мучилось. Ему
Ужъ тошно было вид#тъ тьму.
Объятый ею, онъ какъ могъ
Кричалъ: «Во мн# глаголетъ богъ!
Внемлите, люди, в#рьте мн#!

Гор#ть вы будете въ огн#!
Внемли пророку, падшій людъ,
Насъ скоро демоны убьютъ!
Уже я чую тьмы приходъ.
Въ душ# своей запретный плодъ
Срываетъ каждый, вносить сло.
Куда васъ, люди, занесло!
Въ забвень# вы погружены,
Вамъ св#тъ и мудрость не нужны,
Слыхъ мыслей стая хищныхъ птицъ
Порой не в#даетъ границъ.
Безумн#йшіе! Сло въ аду
Приблизить страшную б#ду.
Долой порока сладкій ядъ!
Пусть непріятень будетъ смрадъ
Д#лѣ гибельныхъ нечистоты,
Пустыхъ усилій и тщеты
Людскихъ мечтаній – кратокъ путь,
И сло возможно обмануть,
Въ себ# увид#въ силу. Вамъ
Отверзта лестница къ богамъ!»
Пророкъ безумн#йшихъ идей
Пос#ялъ страхъ среди людей,
Угрозу жизни ихъ тая.
Вилась въ нёмъ адская зм#я,
Пронзали душу боль и плачь,
И демоническій палачъ
Глумился надъ его душой.
И рокового дня ещё
Печальный духъ не забывалъ:
Въ ловушку демоновъ попалъ
Онъ въ жажд# жизни вид#тъ св#тъ.
И проклятыхъ безумный бредъ
И обречённыхъ плачь и стонъ,
Истошный вопль со вс#хъ сторонъ
Онъ слышалъ. И душой своей
Въ забвеніи безумныхъ дней
Рванулся къ людямъ онъ – металлъ
Ц#пей холодныхъ плоть сковалъ,
Но inferнальный легіонъ
Порвалъ оковы. Страшный сонъ
Его продолжился тогда:
Безумныхъ демоновъ орда
Гнала на пропов#дь. И кровь
Невинныхъ проливалась вновь.
И звалъ онъ падшій духъ огня:
«Не знаю, слышишь ли меня
Въ своёмъ огн# безумномъ ты!
Кто я средь чёрной пустоты?

Отв#тъ мн#, призракъ безъ лица!
Помилуй жалкаго глупца!
Ты просв#ти печальный умъ,
Спаси отъ тьмы безумныхъ думъ,
Отв#тъ, прошу мн#, почему
Вокругъ себя я вижу тьму
И ей служу я? Защити!
Избави отъ сего пути!
Я не могу теб# помочь!
И рвѣтъ мн# душу эта ночь.
Спаси, о Покровитель мой!
Дай справиться съ манящей тьмой!»
И тьма разверзлась передъ нимъ,
И, пустотой ея томимъ,
Предъ нимъ явился демонъ. Онъ
Сказалъ: «Напрасно, Легіонъ.
Теб# помочь я не могу:
Я своему служу врагу,
Не въ силахъ справиться съ собой.
Я сд#лался твоей судьбой,
Но, мучаясь въ своёмъ аду,
Я къ истин# не приведу.
Я знаю, мой безумный бредъ
Твоей душ# принёсъ лишь вредъ.
Въ нёмъ св#та н#тъ, въ нёмъ только тьма —
Творенье моего ума.
И ты не справишься со мной:
Повсюду окружённый тьмой,
Себя обрѣкъ на гибель ты.
Такъ не сбылись твои мечты.
Знай: невозможно богомъ быть
И вм#сто истины любить
Лишь ложь и похоть — но тому
Ты сл#довалъ, идя во тьму.
Тебя тому училъ я. Знай:
Ты въ этомъ не обрящешь рай!
Въ гр#х# и похоти своей
Ты пропадёшь въ безумь# дней.
Чужда намъ истина. Но ей
Разрушить ложь моихъ идей
Тотъ, Кто спасенье въ міръ несётъ.
Найдёшь Его ты, Онъ найдётъ
Погибшій духъ твой. И тогда
Освободишься навсегда
Отъ насъ ты, падшій Легіонъ».
И воплемъ разразился онъ:
И крикнулъ: «Гд# же этотъ часъ,
Когда избавлюсь я отъ васъ!»

IV. Мессія

Небесныхъ молній яркій свѣтъ —
И грома гнѣвъ — безумный бредъ
Свистящей бури. На кормѣ
Дремалъ Онъ въ мирномъ полуснѣ.
Двѣнадцать съ Нимъ, и въ ихъ глазахъ —
Жестокой смерти дикій страхъ.
Хлестала черезъ бортъ вода,
И неминуемо бѣда
Къ нимъ приближалась: смерть и штормъ
И дикій хохотъ бури, громъ
И молній искры — всё для нихъ,
Средь бури брошенныхъ однихъ,
Перемѣшалось. Только Онъ
Былъ въ сонъ невинный погружёнъ.
«Проснись, наставникъ! Можетъ быть,
Ты вовсе не желаешь жить,
Разъ бури разъярённой вой
Тебѣ внушаетъ лишь покой?» —
Ему кричали, чтобы Онъ
Былъ общимъ страхомъ поражёнъ.
Сказалъ, проснувшись, Онъ тогда:
«Умолкни, бурная вода!» —
И стихла буря. Тишина
Настала на море, она
Манила призрачно. Луной
Объять, плывя въ ладѣ земной,
Мессія былъ. «Въ васъ вѣры нѣтъ!
Ничтожной бури жалкій бредъ
Вамъ бы не страшень былъ. Со Мной
Съ жестокой бурей земной
Вы справитесь. Со Мной въ пути
Покой вы сможете найти», —
Такъ Онъ всѣмъ спутникамъ Своимъ
Сказалъ — и дивно было имъ.
Прибилась къ берегу ладья.
Предъ ними, горечь не тая,
Нагой явился человѣкъ.
Онъ крикнулъ: «Проклятъ я свой вѣкъ!
Но Ты, Святой, не мучь меня!
Пусти! Пусти! Душа огня
Моя боится Твоего.
Прошу я только одного:
Пусти!» Но властно молвилъ Онъ:
«Твоё какъ имя?» «Легіонъ!
Насъ много. Но передъ Тобой
Склоняюсь я, мучитель мой.
Мнѣ надо мой тошный адъ!

Я не хочу итти назадъ.
Боль духа падшаго прими,
Помилуй духовъ! Изгони
Въ свиное стадо падшихъ насъ!» —
Они сказали. Въ тотъ же часъ
Мучительный раздался стонъ —
Освободился Легіонъ.
Взрев#ло стадо. На б#гу
Сметая всё на берегу,
Оно рванулось съ крутизны,
Въ наб#г# яростной волны
Оно сокрылось, и тогда
Оставила людей б#да.
И, видя страшное, народъ
Пришёлъ увид#ть. Смотрить: вотъ,
Сидить, од#ть и здравъ въ ум#,
Кто н#когда бродилъ во тьм#.
И говоритъ Мессіи: «Страхъ
Пос#ялъ Ты въ людскихъ сердцахъ.
Уйди отсюда, чуждый намъ!»
Онъ, повинувшись т#мъ словамъ,
Ушёлъ. Но въ комъ былъ легіонъ
Догналъ Его, и крикнулъ онъ:
«Позволь остаться мн# съ Тобой!»
Сказалъ Мессія: «Милый мой!
Останься зд#сь, благодари
За всё ты Бога. Говори,
Какъ исц#лилъ Онъ зд#сь тебя.
Вс#мъ сердцемъ Господа любя,
Его въ душ# ты обр#тёшь
И въ небесахъ себ# найдёшь
Покой, спасенье и любовь,
Преображенье, міра новъ
Увидишь ты. Теперь прими
Ты даръ пророка надъ людьми».
Когда-то бывший Легіонъ
Стоялъ какъ громомъ поражёнъ
И думалъ: «Предо мною Тотъ,
Кто челов#чество спасётъ,
И въ Нёмъ сіяетъ Жизни св#тъ:
Въ мгновень# я нашёлъ отв#тъ
На вс# вопросы, и меня
Уже не мучить духъ огня...
Что чую я въ душ# своей?
Прозр#ніе грядущихъ дней
Мн# открывается. Теперь
Я въ св#тъ небесъ увижу дверь».
И онъ пошёлъ, и на пути
Онъ говорилъ: «Легко найти

Прозр#ные св#та и покой.
Есть Жизнь надъ жизнию земной.
И эта Жизнь явилась къ вамъ.
Но вы сказали: «Чуждъ Ты намъ!
Уйди отсюда!» Почему
Гляд#ли вы не въ св#тъ, а въ тьму?
Въ Нёмъ – св#тъ и в#чная Любовь,
И мудрости священной новъ.
Но вамъ чужда она: кумиръ
Для васъ во сл# лежащій міръ.
Восплачевоплъствуй, народъ!
Спасенье в#чное грядётъ.
Прими его и обратись:
Порокъ отвергнувъ, устремись
Къ Живому Богу. Св#тъ, не тьма
Пусть станетъ пищей для ума!»
«Но кто нашъ Богъ? Скажи, отв#тъ?
Не эта ли земная твердь
Насъ носить? Мы обречены
На смерть – землёю стать должны!
Чего глаголешь ты, пророкъ!
В#дь скоро твой настанетъ срокъ —
И самъ землёю станешь ты.
Твои небесныя мечты
Сгніють съ тобой. Безумный, знай,
Твой иллюзоренъ жалкій рай!» —
Пророкъ слышалъ. На него
Лет#ли камни. Оттого
Онъ, слобою людской гонимъ,
Пошёлъ во Іерусалимъ,
Во градъ Великаго Царя.
И думалъ: «Можетъ быть, не зря
Тамъ прозвучать мои слова.
Іуды славнаго глава
Безславна будетъ, знаю я». —
«Такъ говори же, не тая!» —
Господь сказалъ ему съ небесъ.
И, не щадя своихъ словесъ,
Онъ говорилъ на площадяхъ:
«Внемлите, люди! Боль и страхъ
Я вижу въ город# святомъ.
Забвенье – и въ забвень# томъ
Падётъ святой великій храмъ,
Святилище инымъ богамъ
Въ священномъ м#ст# возведутъ.
Тысячел#тій тяжкій трудъ
Въ мгновень# рухнетъ. Надъ главой
Слов#щій м#сяць золотой
Подд#нетъ землю на рога —

То вы распяли какъ врага
Мессію вашего, Христа,
И Бездны чѣрной пустота
Вселилась въ души глубоко.
Сокрывъ Небесное Млеко,
Ученъ Св#та, подъ землѣй
Вы волей падшею и слой
Сокрыли Крестъ, въ своёмъ ум#
Сокрывъ служенье ваше тьм#.
И нын# правды съ вами н#тъ.
Теперь я вижу: меркнетъ св#тъ
Въ священномъ град# на гор#,
И въ демонической игр#
Вы проиграли: вопль и стонъ
Отчаянья исторгнетъ онъ.
Война и страхъ обымутъ градъ,
А разореніе и гладъ
Св#рями сд#лаютъ людей:
Въ удушливомъ течень# дней
Они другъ друга кровь испьютъ,
И р#ки крови потекутъ
По града улицамъ, и плачъ
И вопль младенцевъ, что палачъ
Нещадно рубить, вижу я,
И вопль безумнаго св#рья,
И труповъ вонь на площадяхъ —
Забвенъ въ проклятыхъ сердцахъ.
Услышьте, люди, гласъ суда!
Восплачевопльствуйте, тогда
Вс#мъ сердцемъ в#руйте въ Того,
Кто въ міръ пришёлъ не отъ него.
Рыданій слёзы разобьютъ
Сердца изъ камня пусть. Поймутъ
Вашъ вопль святыя небеса,
И дивной силы голоса
Прорвутъ реальность, и тогда
Не совершатся т# года.
Но въ ужас# и гор# т#,
Кто Бога распялъ на крест#!» —
Къ толп# людской пророкъ взывалъ.
Но камень въ голову попалъ,
И, обезсил#въ, Легіонъ
Упалъ на землю. Умеръ онъ.

V. Іерусалимъ

Забвеніе. Въ нёмъ бредъ т#ней
Въ застывшемъ ужас# т#хъ дней.
И бродятъ жалкіе, и прахъ

Глотая, корчатся въ ногахъ
 Они мучителей своихъ
 И просятъ, умоляютъ ихъ
 Добить ихъ жалкія т#ла.
 Безъ хл#ба жизни смерть была
 Освобожденьемъ. Страшнымъ сномъ
 Явилась жизнь во град# томъ.
 Не прекращался этотъ сонъ.
 Изсохли слёзы. Плачь и стонъ
 Уже ничью не рвали грудь,
 И можно было бы взглянуть
 На мёртвыхъ съ завистью: въ пыли
 Повсюду на лиц# земли
 Они лежали. Мёртвыхъ смрадъ
 Въ жар# удушья страшный адъ
 Не завершалъ. И слой топоръ
 Уже свой вынесъ приговоръ,
 Малютк# въ черепъ впившись. «Ты,
 Дитя моё, средь пустоты
 Отнын# пищею станешь мн#.
 Пусть духъ мой мечется въ огн#,
 Но я изжарю плоть твою
 И въ пищу адскому св#рюю
 Тебя отдамъ: пусть видитъ градъ,
 Въ какой онъ погрузился адъ!» —
 Вскричала женщина. Шакаль
 На запахъ мяса приб#жалъ,
 Зубами лязгая, и онъ
 Былъ безсердечіемъ сражёнъ:
 Впервые ужасъ, дикій страхъ
 Ос#лъ въ безжалостныхъ сердцахъ.
 Такъ было. Одинокій храмъ
 Не возводилъ ужъ къ облакамъ
 Молитвъ небесныхъ. Онъ одинъ
 Стоялъ разрушёнъ. Средь руинъ
 Явился ангель. «Легіонъ
 Мн# было имя, — молвилъ онъ. —
 Одинъ я горестно бродилъ,
 Искалъ покой, не находилъ
 Его я въ ненависти: боль
 И легіонъ безумныхъ волей
 Терзали душу. Сло и тьма,
 Пл#нивъ исканія ума,
 Вели меня, и я забылъ
 Всё то, что въ жизни я любилъ.
 Я былъ безуменъ: Бога н#тъ,
 Гд# извратили жизни св#тъ,
 Забывъ о жертвенной любви,
 Гд# пропов#дникъ на крови

Несётъ безумныя слова,
 Гд# въ сердц# истина мертва.
 Я былъ такимъ. И безъ числа
 Въ печальный міръ явилъ я сла.
 Безумень, гордь и одинокъ,
 Въ своихъ скитаніяхъ я смогъ
 Познать безуміе своё,
 Но адское во мн# св#рьё
 Гнало меня. И шёлъ тогда
 Я по дорог# въ никуда.
 Я не искалъ, но смогъ найти
 Меня Спаситель на пути.
 Я испугался. Но меня
 Онъ исц#лилъ, и жаръ огня
 Уже не мучаетъ мой духъ.
 Къ спасенью мой отверзся слухъ,
 Что мн# явилъ Небесный Св#тъ,
 И захот#лось мн# въ отв#тъ
 Нести св#тъ міру. Только имъ
 Я былъ не понять и гонимъ.
 Рыдая горько, боль и хладъ,
 Безумствомъ душу рвущій адъ,
 Души прозр#нья дикій страхъ
 Читалъ я въ суетныхъ сердцахъ.
 Забывъ небесное, въ тщет#
 Міръ къ утопической мечт#
 Въ забвень# рвётся. Только онъ
 На поражение обречёнъ».

Сказавъ, исчезъ онъ. Дикій крикъ
 Изъ Бездны адовой проникъ
 До сердца міра. Возопилъ
 Пророкъ безумствующихъ силъ.
 «Себя я проклялъ. Обречёнъ
 Я на забвенья страшный сонъ.
 За правду ложъ принявъ во тьм#,
 Безумство, скрытое въ ум#,
 Стремилось къ св#ту. Только св#тъ
 Забыть средь безконечныхъ л#тъ.
 И, преданъ роковой судьб#,
 Взываю я въ н#мой мольб#:
 Спаси отъ тьмы печальный духъ,
 Отверзи къ Истин# мой слухъ
 И просв#ти осл#пшій умъ!
 Избавъ отъ тьмы печальныхъ думъ
 И къ св#ту выведи. Тебя
 Я не обр#лъ, порокъ любя.
 Но я ищу Тебя, мой Св#тъ,
 Въ забвень# безконечныхъ л#тъ
 Тебя я жажду обр#сти...

И ненавижу. Ты прости
И ненависть мою разрушь.
Снисходишь Ты до падшихъ душъ,
Сойди въ мой адъ, молю, Христе,
Въ мой духъ, томимый въ т#снот#!
Твой Св#тъ сжигаетъ. Но съ Тобой
Я справлюсь съ Бездною и съ тьмой».

Х – 28. XII. 2008; 2015.

Харонъ

I. Ахеронъ

Безсильно брошена рука.
Надменно глядя свысока
На мертвенно-холодный трупъ,
Я понялъ: былъ я всё же глупъ.
Но не вернуть уже тотъ часъ,
Когда небесный тихій гласъ
Я не услышалъ. Слои отвѣтъ
Любви, ведущей столько лѣтъ
Меня къ спасенью, я изрёкъ.
И горько, горько плакалъ Богъ,
На кровь, что медленно лилась
Безсильно глядя. И изъ глазъ
Его слеза текла. И въ адъ
Иду я слѣпо наугадъ.
Вдругъ – свѣтъ какъ будто отъ огня,
Зовѣтъ и манить онъ меня.
Надежда придала мнѣ силъ:
Туда, гдѣ пламень мнѣ свѣтилъ,
Пошѣлъ я смѣло. Престо мной
Въ печальный, мрачный міръ иной
Рѣки предсталъ широкой путь:
Мерцала огненная жуть
Надъ рябью мелкою рѣчной,
Не нарушалъ ея покой
И вѣселъ тихій мѣрный плескъ.
И огненныхъ языковъ блескъ
Челнокъ неспешный освѣтилъ.
Вотъ онъ ко мнѣ повернулся.
Въ челнѣ сидѣлъ сѣдой старикъ
И сонно грѣбъ: онъ такъ привыкъ.
Покорный рабъ судьбы своей,
Въ теченьѣ безконечныхъ дней
Онъ грѣбъ неслышно въ челнокъ,
Плывя по огненной рѣкѣ.
Причалилъ къ берегу старикъ —
Я головой своей поникъ,
Глазницъ пустыхъ увидя взглядъ:
Пронзилъ меня смертельный хладъ,
Что исходилъ отъ старика.
Я покорился, и рука
Обола, разжавшись, подала
И въ царство пустоты и сла
Поплылъ я въ адскомъ челнокѣ.
Душа въ печали и тоскѣ,

Предвидя боль, забвенье, адъ,
Вдругъ крикнула: «Плыви назадъ!
Я не хочу туда, Харонъ!»
Но равнодушно молвилъ онъ:
«Ты обречёнъ, свободный духъ».
Быль голосъ холодень и сухъ.
Несп#шно вёзь меня гребецъ.
И понялъ я: пришёлъ конецъ,
И ждетъ меня забвенья мракъ.
И я подумалъ: какъ же такъ?
И разрывался слабый умъ
Отъ тяжкихъ, непосильныхъ думъ.
Я сталъ противень самъ себ#:
Я вид#лъ св#тъ въ своей судьб#,
Что спасъ меня отъ хладной тьмы,
Теперь я въ царство сатаны
Плыву съ Харономъ. Потому
Съ мольбой отв#гилъ я ему:
«О перевозчикъ падшихъ душъ,
О равнодушный страшный мужъ,
Ты безразлично по р#к#
Плывёшь въ неслышномъ челнок#
Тысячел#тя. Стонъ и боль
Безчисленныхъ, заблудшихъ волю
Тебя не трогаютъ. Но ты
Изъ бездны чёрной пустоты
Прошу, отв#тъ мн#! Ты скажи,
Какъ я дошёлъ до этой лжи
И въ царство в#чное т#ней
Плыву по окончанье дней?
#анатось – чёрный геній тьмы,
Присп#шникъ в#рный сатаны,
Рабами наполняетъ адъ,
Второй онъ смерти кровный братъ.
Сл#печь пустой, не видитъ онъ,
Какъ онъ унижень, сокрушёнъ
Распятымъ Богомъ на Крест#.
Блуждая въ чёрной пустот#,
Онъ умеръ самъ, печальный духъ.
Но ты, Харонъ, отверзи слухъ
Къ мольб# изъ гр#шныхъ устъ моихъ.
Ты, перевозчикъ душъ людскихъ,
На нихъ взираешь свысока.
Предъ Бездной огненной р#ка
Отъ ада отд#ляетъ насъ,
И гр#шники въ свой судный часъ
При вид# огненной р#ки
Дрожатъ отъ страха и тоски.
Ты равнодушенъ къ ихъ мольбамъ.

Отъ ада отд#лённый самъ
 Широкой огненной р#кой,
 Везёшь ты ихъ въ Аидъ. Покой
 Имъ не данъ будетъ въ царств# тьмы,
 Ихъ обречённые умы
 Въ пустынномъ царствіи т#ней,
 Терзаетъ безконечность дней.
 Въ забвень# тягостномъ блуждать
 Живые будутъ. Только вспять
 Не поворишь ты, и тьма
 Собой взоръ падшаго ума
 Затмить нав#ки – что теб#?
 В#дь къ этой тягостной судьб#
 Не ты ихъ вёлъ, но невдомёкъ
 Имъ жизни жалкой ихъ урокъ.
 Они избрали этотъ путь
 Своею волей, не свернуть
 Теперь имъ съ этого пути.
 Не смогутъ Истину найти
 Они, погибшіе. Тогда
 Р#ка въ забвень#, въ никуда
 Встаетъ предъ ними въ свой черёдъ.
 Но гр#шниковъ погибшій родъ,
 Забвенье, боль, печаль и хладъ —
 Весь гибельный, гнетущій адъ,
 Содома мерзость, ворожбу
 И в#ру въ св#зды и судьбу,
 И похоть плоти, и очесь,
 И прелесть гибельныхъ словесъ,
 Суккубовъ сладострастный стонъ
 Ты презираешь, о Харонъ.
 Я ненавижу эту тьму,
 Какъ ты. Скажи мн#, почему
 Не повернёшь ты для меня?
 Зач#мъ безуміемъ огня
 Мой поглощать погибшій умъ?
 Въ бессмысленности тяжкихъ думъ
 Чего обрящу я себ#?
 Прошу, вернись! Иной судьб#
 Хочу посл#довать я“. „Н#тъ! —
 Отв#тилъ равнодушный д#дъ. —
 Сама ты выбрала, душа!
 Теперь смотри, ч#мъ хороша
 Была въ земномъ забвень# ты.
 Плыви же въ царство пустоты!»
 По хладной огненной р#к#
 Я плылъ въ несп#шномъ челнок#.

И понял я, что жизнью мн#
Далось насытиться вполн#,
Но я был сл#пъ: не зная сла,
Его творил я безъ числа
И возжел#ною потакаль,
И просв#щенья не алкаль,
Чтобъ духъ возвысить, наконецъ,
Познать Начало и Конецъ.
Я признаю свою вину:
Хоть сладка гладному уму
Христа спасительная в#сть,
Земнымъ уладамъ предпочесть
Не смогъ я тихій св#тъ Христа,
Душа не стала въ Немъ чиста.
Глупецъ! Безумный рабъ страстей!
Я для возвышенныхъ идей
Былъ такъ возвышенно далёкъ
И былъ безумно одинокъ
Въ своёмъ стремленье#, и глаза
Надменно палилъ въ небеса.
О Боже! Этотъ в#къ любя,
Я такъ далёкъ былъ отъ Тебя!
Я ненавид#лъ сла порокъ,
И самъ къ себ# я былъ жестокъ,
Души возжаждавъ чистоты.
Но я сгубилъ свои мечты!
Меня желаній пламя жгло,
Впустилъ я добровольно сло,
S#ло что въ душу въ#люсь мн#.
Теперь она подвластна тьм#.
Вези, вези меня, Харонъ!
Туда, гд# сла надменный тронъ
Надъ Бездной высится одинъ,
Гд# одинокій господинъ
Въ потокъ печальныхъ, мрачныхъ думъ
Свой погрузилъ заблудшій умъ.
Въ порок# сладкомъ, можетъ быть,
Забуду я, какъ жаждаль жить.
Пристала къ берегу ладья.
Ув#ренно на берегъ я
Ступилъ съ ладьи той, и теперь
Для жизни мн# закрыта дверь.
«Прив#тствую! Тебя я ждалъ», —
Печально падшій духъ сказалъ.
Я удивился: «Это ты,
Мой геній падшій пустоты!
Я не нарушилъ договоръ,
Себ# я вынесъ приговоръ.

Я не сум#ль его порвать:
 Страдалъ я – буду в#къ страдать
 Въ забвень# адскомъ – ты виной
 Тому, что сд#лалось со мной!»
 И падшій духъ отв#тилъ мн#:
 «Я самъ страдаю въ томъ огн#!
 Мн# надо#ла эта роль,
 И душу мн# пронзаетъ боль.
 Но обречёнъ теперь нав#къ
 Со мною, падшій челов#къ,
 Быть въ Бездн# сей порочной ты,
 И извращённой красоты
 Сполна вкусишь ты, и во власть
 Ея ты пожелаешь впасть.
 Пойдёмъ, погибшій. Пусть твой умъ
 Разв#ется отъ мрачныхъ думъ».
 И мы пошли, и плача гласъ
 Я слышалъ всюду возл# насъ
 И вопль погибшихъ, падшихъ душъ.
 Обречены мы! Св#та ужъ
 Мы не увидимъ, и нав#къ
 Забылъ насъ Богочелов#къ.
 Владыка тьмы – нашъ господинъ.
 Надъ преисподней онъ одинъ
 Всевластно править. Передъ нимъ
 Предсталъ я, слобою томимъ.
 «Прив#гствую тебя, герой!
 Не ждалъ я встр#титься съ тобой!
 Пади же!» – мн# онъ приказалъ.
 Я усм#хнулся. Не упалъ
 Я предъ смердящимъ сатаной.
 «Не бойся, духъ, объятый тьмой, —
 Мн# голосъ сладостный жены
 Сказалъ. – Мы вс# обречены!
 Деметры радостная дочь
 Познала в#ковую ночь,
 Объятій сладость и тепло,
 Что дарить міровое сло.
 Душа, не бойся, можетъ быть,
 Огонь желаній утолить
 Мои служанки смогутъ. Ты
 Не бойся падшей красоты.
 Вкуси, познай, не будь же глупъ!
 Ты наслаждайся жженьемъ губъ,
 Грудей горячихъ красотой.
 Сей соблазнительной мечтой
 Не наслаждался ты бы тамъ,
 Гд# жжетъ проклятый св#тъ Христа».
 И Персефона, наклонясь

Къ Аиду, въ ротъ ему впила
Губами дикими. Вполн#
Она предалась сатан#.
И дивный, сладострастный гласъ
Въ волнень# б#шеномъ тотчасъ
Услышалъ я: «О, мой герой!
Теперь я встр#тилась съ тобой.
Мой рыцарь милый, я ждала
Тебя въ порочномъ мір# сла,
Сама порочна. Но любовь
Иную мн# укажетъ новъ,
Небесной сд#лаетъ меня.
Въ сіянь# солнечнаго дня
Сольёмся мы въ единый духъ.
Чтобъ огонь страсти не потухъ,
Я буду в#къ тебя ласкать,
Возлюбленною будешь звать
Ты Афродиту. Ты забудь
Весь свой земной минувшій путь.
Люби, мой другъ, не будь же глупъ!
Моихъ вкусить прекрасныхъ губъ
Желали многіе. Но ты
Вкуси желанной красоты!»
Д#вица руку на плечо
Мн# уронила. Горячо
Огнѣмъ мн# шею обожгло:
То соблазнительное сло
Её лобзало. Только вдругъ
Освободился я отъ мукъ
На мигъ – и чудный ясный св#тъ
Явилъ мн# дивный силуэтъ.
Она спала. Ея едва
Дрожали губы, и слова
Мои не слышала она,
Въ забвень# утопая сна:
«Ты спишь, безпечная. Во сн#
Ты улыбаешься. Но мн#
Не зр#тъ небесной красоты
Души прекрасные цв#ты
Мн# не сорвать. Но всё жъ позволь
Излить теб# печаль и боль.
Хоть въ адъ я ввергнуть, силъ лишёнъ,
Но тихо въ твой безпечный сонъ
Безликой т#нью я войду,
Безумный, словно бы въ бреду.
Но ты не бойся, ангель мой.
Безликой т#нію сл#пой
Увижу я въ посл#дній разъ
Сіяніе небесныхъ глазъ.

О #еотима! Ты прости,
Не сохраниль я на пути
То знание, что стяжалъ съ трудомъ.
Я не войду въ небесный домъ.
Изъ царства тьмы въ твой чудный св#тъ
Я принесу теб# букетъ
Изъ асфоделій. Лишь Аидъ
Ихъ сохраниль прекрасный видъ.
Души твоей въ нихъ ароматъ
И тонкій, ядовитый смрадъ,
Какъ будто т#ло въ тишин#
При бл#дной, мертвенной лун#
Смердя безжизненно лежитъ.
Мы вс# умрёмъ. Не изб#жить
Никто сей участи, но ты
Уйдёшь въ рай дивной красоты,
Куда къ теб# я не приду.
Безумный! Въ видимомъ аду
Нав#къ я заперъ самъ себя,
Но буду в#чно жить, любя
Тебя въ безумн#йшемъ огн#.
И ты не вспомнишь обо мн#». —
«Въ чёмъ д#ло, милый? Что съ тобой? —
Д#вица молвила. — Ты мой!
Забудь о томъ, кого любилъ.
И сладостный любовный пылъ
Ты подари мн#». Слобно: «Н#тъ!» —
Проскрежеталъ я ей въ отв#тъ.
Я оттолкнулъ её. Тотчасъ
Услышалъ я ужасный гласъ:
«Ты зря отвергъ её. Меня
Лишилъ ты сладкаго огня».
«Кто ты?» — спросилъ я. Страшный см#й
Шипя, отв#тилъ: «Асмодей.
Любовь и ревность — всё во мн#
Перем#шалось. Сатан#
Не испытать всей глубины
Блаженства, слобы... и вины.
Лишь мн# доступно это. Но
Пора теб# бы знать давно:
Изъ темноты шель тщетно ты.
Ты зд#сь, средь адской пустоты!
Забудь о жизни. Пусть #анать
Теб# внушить забвенья хладъ».
И демонъ съ огненнымъ мечомъ
Предсталъ предъ мною, и въ плечо
Онъ мн# оружiе вонзилъ.
И я упалъ, лишившись силъ.
Очнулся. Вижу: въ облакахъ

Лечу я, и несётъ въ рукахъ
 Меня мой призракъ безъ лица.
 Святаго райскаго в#нца
 Не заслужилъ я, но небесъ
 Достоинъ я вкусить и зд#сь.
 Зд#сь – в#чно меркнушій закатъ,
 И былъ я несказанно радъ
 Въ печали помнить о быломъ.
 Теперь же я, пл#ненный сломъ,
 Погибъ. Такъ пусть же свысока
 Глядятъ, какъ кануль на в#ка
 Я въ бездну ада! «Ты теперь
 Готовься, другъ! Открыта дверь
 Намъ въ бездну боли. Пусть же рвётъ
 Твое сознание острый лёдъ!» —
 Сказалъ носитель мой, и вмигъ
 Съ небесъ низвергъ меня – и крикъ
 Услышалъ дикий я, и см#хъ,
 И гласъ, что звалъ меня на гр#хъ,
 С#ло смердя до тошноты:
 То мерзость падшей красоты
 Звала меня, звала къ себ#.
 Но въ вождел#ющей мольб#
 Не похоть я узр#лъ, но страхъ:
 Онъ отражался въ ихъ глазахъ,
 Безумныхъ. Снова плачь д#тей —
 Крикъ – тишина – и хрусть костей —
 И снова ламій жалкій см#хъ:
 Огромный на виду у вс#хъ
 Стоялъ изъ м#ди исполинъ,
 Огнѣмъ безжалостнымъ палимъ,
 Онъ длинный вытянулъ языкъ,
 На нёмъ – младенецъ. Дикій крикъ
 Раздался вновь, съ нимъ – ламій плачь
 И см#хъ. И снова съ#лъ палачъ
 Младенца б#днаго. Ну вотъ
 Для ламій вновь насталь черёдъ
 Рожать младенцевъ въ эту пасть,
 Въ которой суждено пропасть
 Несчастливымъ. «Челов#че, знай,
 Для т#хъ убійць не нуженъ рай.
 Вааль – любовникъ ихъ. Ему
 Он# рожаютъ, чтобъ во тьму
 Д#тей низвергнуть. Но забыть
 Не смогутъ, кто не смогъ любить,
 Утробы рвущейся и крикъ,
 И боль, и какъ умолкла вмигъ
 Душа живая, отлет#въ,
 Пуста, едва простить усп#въ

Свободу, прежде ч#мъ свой в#къ,
 Родившись, отжилъ челов#къ.
 И съ гн#вомъ я взглянулъ на нихъ,
 И, не нашедши словъ людскихъ,
 Взрев#лъ отъ боли я – огонь
 Изшелъ изъ устъ моихъ, и стонъ
 Я, обезсил#нный, издалъ:
 «О Боже! Какъ же я усталъ!
 Проклятый демонъ! Ты скор#й
 Неси меня отъ т#хъ людей,
 Бездушныхъ, смрадныхъ! Тяжело.
 Я ненавижу это сло».
 И я заплакалъ. Вдругъ одна
 Отъ ламій мерзостныхъ жена
 Отъединилась и со мной
 Заговорила: «Милый мой!
 Тебя я помню. Можетъ быть
 Меня сум#лъ ты сохранить
 Въ болящемъ сердц#. Ты меня
 Желалъ избавить отъ огня
 И ко Христу вести. Не смогъ
 Ты св#тъ нести для той, чей богъ
 Лишь похоть сладкая. Найти
 Я не смогла Его въ пути,
 Гр#хомъ обьятая кругомъ.
 Ты звалъ меня. Въ забвень# томъ
 Желала я, безъ словъ звала
 Тебя въ любовники. Была
 Я вдвое старше, и увлечь
 Я не смогла тебя, чтобъ лечь
 Со мной р#шилъ ты: ты желалъ,
 Чтобъ духъ мой падшій не пропалъ.
 Моихъ зд#съ трое. На языкъ
 Ваалу ихъ кладу – и крикъ
 Я ненавистный слышу. Мн#
 Они являются во сн#.
 И я зову ихъ. Удержать
 Я не могу ихъ, и опять
 Кричатъ они, меня зовутъ,
 Чисты, рождённые чрезъ блудъ.
 Прошу, найди, гд# Радамантъ!
 Скажи ему, что этотъ адъ
 Невыносимъ! Спроси ты мн#
 Зд#съ м#сто лёгкое вполн#».
 Я оттолкнулъ её. «Мой другъ,
 Красив#й я найду подругъ
 Теб# для жалости. Пойдёмъ.
 Среди т#ней мы зд#съ найдёмъ
 Лаиду-гетеру. Она

Теперь скучаеть и одна», —
Промолвилъ демонъ. Съ нимъ вдвоёмъ
Пришли мы, зримъ — стеклянный домъ,
А въ нёмъ — старушка, больно ей
Въ зеркалахъ зрѣть теченье дней.
«О Афродита! Ты бѣ могла
Разрушить эти зеркала.
Я не хочу себя такой,
Какою стала: старой, слой —
Въ нихъ болѣ видѣть. Молодой,
Двищей втреной былой,
Ужъ не могу: разрушенъ цвѣтъ!» —
Она стенала. Ей въ отвѣтъ
Промолвилъ демонъ: «Ты въ огнѣ
Томишься на потѣху мнѣ». —
И мнѣ зеркало показаль,
Я къ удивленью увидалъ
Красотку въ зеркалѣ. И я
Ей соблазнился не тая.
Но въ гнѣвъ я разбилъ стекло.
«Пойдѣмъ скорѣй! Иное сло
Я покажу тебѣ, мой другъ», —
Сказаль онъ. Очутились вдругъ
Мы предъ Танталомъ. Сына онъ
Убилъ когда-то. Поражѣнъ
Онъ наказаніемъ: вода
Кругомъ и вкусная да,
Но жажду чрева утолить
Не можетъ онъ: иллюзіи нить
Нешадно рвѣтся, лишь едва
Его къ вкушенью голова
Нагнѣтся въ жаждѣ. И утѣсь
Стояль предъ нимъ, и камень нѣсь
Сизифъ на верхъ горы. Умень,
Боговъ хитрѣ падшихъ онъ
Когда-то былъ. Теперь пустой
Онъ выполняетъ трудъ простой.
Я крикнулъ: «Стой! Напрасно силъ
Ты не расходуй. Что просиль
Не получилъ ты. Смерть сама
Ты думаль, выживъ изъ ума,
Была обманута. Но ты
Теперь въ аду средъ пустоты
Тяжелый камень обречѣнъ
Катить наверхъ. Напрасно онъ
Тобой подымлется: опять,
Гляди, онъ падаетъ. Лежать
Онъ будетъ вѣчно у горы,
И сей мучительной игры

Ты не окончишь никогда». —
«Нев#рно! Скоро навсегда
Я завершу сей тяжкій трудъ.
И бол#е не буду тутъ,
Тяжёлый камень водрузивъ», —
Печально мн# сказалъ Сизифъ.
«О Проклятый! Зач#мъ, скажи,
Мн# вид#тъ правду въ мiр# лжи?
Оставь меня! Сл#пая т#нь,
Не различая ночь и день,
Бродить я буду среди скаль.
Христось мой! Какъ же я усталъ!
И демонъ слобный не уймётъ
Огонь въ груди, что сердце жжётъ.
Дай мн# забыться въ страшномъ сн#!
Дай избавленья, Боже, мн#!» —
Я крикнулъ. Демонъ задрожалъ.
«Не слышитъ Тотъ, Кого ты звалъ!» —
Онъ мн# отв#тилъ. Въ немъ теперь
Глаголалъ челов#ковсв#рь.
Я звалъ Спасителя – и вдругъ
Увид#лъ я изъ св#та кругъ,
И въ нёмъ былъ Кроносъ, Радамантъ
Былъ съ нимъ. «Войди ты въ этотъ адъ!
Христось! Услышь въ который разъ
Изъ Бездны нашъ ничтожный гласъ!
Мольб# печальной сей внимли,
И гр#шныхъ думъ не помяни,
Спаси погибшихъ! Божій Св#тъ
Пусть приметъ насъ въ Святой Зав#тъ
И насъ спасётъ. В#дь тяжело тамъ,
Гд# ненавистенъ Св#тъ Христа», —
Они взывали такъ. Харонъ
Къ нимъ подошёлъ, и мрачно онъ
На св#тъ гляд#тъ сталь, и слеза
Омыла демона глаза.

III. Вторженіе

И св#та столбъ прор#залъ тьму,
И разб#жались потому
Харонъ и Кронъ и Радамантъ:
Пришёлъ тверд#йшій Адамантъ,
Христось-Спаситель. «Прочь скор#й!
Насъ, заблудившихся св#рей,
Пришёлъ Спаситель отыскать.
Онъ твёрдъ: не поворотитъ вспять
Онъ, не добившись своего.
Съ Собой хотя бы одного

Онъ въ руц# ц#пкія возьмётъ,
 Въ нёмъ растопивъ забвенья лёдъ.
 И содрогнётся этотъ адъ!
 Христось на неб# будетъ радъ,
 Но зд#сь безумн#йшій Аидъ
 Лишь горькій испытаетъ стыдъ
 За то, что съ нами сд#лалъ онъ.
 Отвержень, изгнанъ, обречёнъ
 Предъ Богомъ иллюзорный богъ.
 Познавъ печаль своихъ дорогъ,
 Онъ сокрушится. Можетъ быть,
 Поймётъ, безсильный поб#дить,
 Онъ, что не в#чно въ мір# сло.
 И, сокрушённый т#мъ s#ло,
 Онъ обратится ко Христу,
 Въ душ# заполнивъ пустоту
 Забвенья – мудростью. И намъ
 Не ложнымъ кланяться богамъ,
 Но Богу, Сущему отъ в#къ,
 Желая, Богочелов#къ
 Въ аду насъ ищетъ. Можетъ быть
 Меня Онъ сможетъ свободить
 Отъ демоническихъ оковъ,
 Отъ воли безжалостныхъ враговъ,
 Со мною слитыхъ. Самому
 Не отд#лить отъ тьмы мн# тьму». —
 Сказалъ погибшій. Перенёсь
 Меня онъ на крутой утёсъ.
 И тутъ свершилось чудо. Тамъ,
 Подъ нами, мучился Танталъ,
 Главу свою онъ наклонилъ
 И сладкой вдругъ воды испилъ,
 И напился отъ плодовъ —
 Изъ демоническихъ оковъ
 Его небесная Рука
 Взяла мгновенно въ облака.
 И рухнулъ тутъ же нашъ утёсъ:
 Небесный Св#тъ къ Себ# вознёсь
 Сизифа б#днаго, и самъ
 Не в#риль я своимъ глазамъ.
 Я звонъ услышалъ – зеркала
 Разбились. «Какъ же я ждала
 Тебя! И только лишь Тебя!
 Я буду в#чно жить, любя! —
 Вскричала гетера. – Блудомъ
 Жила я, Твой небесный домъ
 Мн# не увид#тъ. Ты прости
 И исц#ли, и отпусти!
 Помилуй Ты меня, мой Богъ!»

Едва коснувшись Божьихъ ногъ
 Власами грязными, она,
 Чужая, падшая жена,
 Слезами омывала ихъ.
 «Ты смыла грузъ д#яній слыхъ!» —
 Ей ласково сказалъ Христосъ.
 И въ Небеса къ Себ# вознёсь.
 «Проклятье! Адъ лишился силъ! —
 Мой демонъ громко возопилъ. —
 Б#жимъ къ р#к#, быть можетъ, тамъ
 Насъ не настигнетъ Св#тъ Христа».

Мы встали тамъ не вдалек#.

Шёлъ старецъ медленно къ р#к#
 Съ жезломъ см#инымъ. По водамъ
 Ударилъ онъ — и тутъ и тамъ
 Поднялся в#теръ, воды онъ
 Разъединилъ. Не смогъ Харонъ
 Тогда стоять въ своёмъ челн#:
 Поддавшись б#шеной волн#,
 Онъ опрокинулся. Давидъ,
 П#вецъ, прекрасн#йшій на видъ,
 Съ псалтирю доброю межъ водъ
 Шёлъ весело и звалъ народъ,
 Играя струнами: «Домой
 Изъ ада сквернаго долой
 Идите вы, открыть вамъ св#тъ,
 Примите вы Святой Зав#тъ!»

И т#ни падшіе за нимъ
 Шли изъ Аида. Къ намъ самимъ
 Алмазный старецъ подошёлъ,
 Сказалъ: «Я зд#сь тебя нашёлъ
 На удивленіе, мой сынъ.
 Ты былъ когда-то призванъ Имъ,
 И я молился о теб#.

Былъ Богъ внимателенъ къ мольб#
 И вёлъ тебя. Но почему
 Избралъ ты нын# эту тьму?»

«О Адамантій! — молвилъ я. —
 Ты знаешь, что душа моя
 Разнор#чива. Самъ съ собой
 Игралъ я сумасшедшій бой.
 Услышалъ зовъ я. За Христомъ,
 Въ небесный, чистый, св#тлый домъ,
 Я восходилъ, и Божья власть
 Меня спасала. Только страсть.
 Всё долу яростн#й звала,
 И искусительнаго сла
 Не одол#лъ я въ смертный часъ.
 Но пламень в#ры не погасъ!

Пусть я не справился, не смогъ,
Христось попрежнему мой Богъ.
Его я помню и въ аду,
Гд# самъ страдаю я въ бреду,
И Онъ терзается со мной.
Но ни одинъ Его герой
Не сможетъ вытащить меня
Изъ хладомерзкаго огня.
Оставь меня, о Адамантъ!
Я обречёнъ. Мой в#ченъ адъ». —
«Посмотримъ, – молвилъ Оригенъ. —
Пусть будетъ кратокъ этотъ пл#нъ».
И вс# ушли. Но в#чно мн#
Гор#тъ въ мучительномъ огн#.

IV. Освобождєніє

Всё кончилось. Лишь св#та кругъ
Св#тился тускло, а вокругъ
Стояли Радамантъ и Кронъ,
И я. Съ печалію Харонъ
Смотр#лъ на св#тъ, держа весло.
Онъ молвилъ: «Міровое сло
Меня поставило грести
По Ахерону – на пути
Сопровождать погибшихъ въ адъ.
Но нын# многіе назадъ
Ушли за Богомъ. Можетъ быть,
И мн# сум#еть отворить
Онъ двери въ райскій Свой чертогъ,
Туда, гд# н#когда не смогъ
Я удержаться: тяжело палъ
Я съ неба. Какъ же я усталъ
Отъ жизни призрака безъ глазъ!»
«Господь спасти не можетъ насъ!
Мы не готовы. Эту ночь
Въ аду не сможемъ превозмочь
Мы, чтобъ спасительную В#сть
Забвенью Жизни предпочесть.
Нисколько Богу не нужны,
Нав#ки мы обречены
Страдать въ мучительномъ аду.
И въ этомъ тягостномъ бреду
Никто насъ больше не спасётъ,
Источники нечистыхъ водъ
Никто не вычистить, пойми!
Им#ешь власть ты надъ людьми,
О перевозчикъ падшихъ душъ,
Но поб#ждёнъ ты: Св#тлый Мужъ

Къ спасенью выведетъ людей.
 Но насъ Онъ въ царствіи т#ней
 Нав#къ оставилъ, в#дь Ему
 Насъ проще выкинуть во тьму», —
 Вздохнулъ мой демонъ. «Челов#къ
 В#дь былъ ты, — я въ отв#тъ изрекъ. —
 И ты боишься. Отчего
 Не хочешь ты принять Его?»
 «Я не готовъ. Я не могу.
 Я своему служу врагу...
 И ненавижу», — мн# сказалъ
 Погибшій. Тяжкій стонъ издалъ
 Онъ изъ груди своей, и Кронъ,
 Услышавъ сей печальный стонъ,
 Промолвилъ: «Тяжкая вина
 Съ насъ будетъ смыта. Времена
 Настанутъ св#тлыя, и мы
 Вновь станемъ Господу нужны».
 Взмолился демонъ Радамантъ —
 И содрогнулся этотъ адъ,
 И снова св#тъ проникъ. Харонъ
 И Радамантъ, и мудрый Кронъ,
 И я, и демонъ — скрылись мы,
 Сіяніемъ поражены.
 И снова въ адъ сошёлъ Христось,
 Съ Собой спасеніе Онъ нёсъ.
 О Боже! Что тамъ! Та душа —
 Д#тоубійца! Чуть дыша,
 Она приблизилась къ Христу,
 Ваала шлюха. Шлюху ту
 Принялъ Христось въ любовь Свою,
 Преобразивъ её въ раю.
 Я ужаснулся. «В#дь она
 Была въ порок# сожжена.
 Но, видно, было что-то въ ней,
 Что даже въ царствіи т#ней
 Её тянуло къ Богу. Но
 Мн# вид#тъ это не дано», —
 Промолвилъ демонъ. Со Христомъ
 Кого увид#лъ я потомъ?
 Деметры радостная дочь
 Прошла съ Нимъ черезъ ада ночь
 И въ дивный в#чный Св#тъ вошла,
 Христомъ спасённая отъ сла.
 Я пошатнулся. Вдругъ Харонъ
 Вздохнулъ, и облегченъ стонъ
 Въ нёмъ растопилъ забвенья лёдъ,
 И онъ услышалъ: Богъ зовётъ.
 И въ св#тлый, дивный, в#чный Св#тъ

Вошёлъ онъ – былъ таковъ отвѣтъ
Его на Божію любовь.
Переселившись въ Свѣта новъ,
Инымъ сталъ обновлённый духъ:
Уже не старъ онъ и не сухъ,
Но духомъ крѣпокъ, и свѣтло
Смотрѣлъ онъ. Грохнулось весло
О камень ада: всё равно
Ему ужъ не нужно оно.
Онъ счастливъ былъ. «Какъ Божій ликъ
Преобразилъ тебя, старикъ!» —
Подумалъ я... и сдѣлалъ шагъ.
Вдругъ всталъ передо мною врагъ.
Но, Божьимъ свѣтомъ поражёнъ,
Исчезъ, навѣки сгинулъ онъ.
Я возносился. Свысока
Узрѣлъ я, какъ взяла рука
Весло, и ко Христу воззвалъ
Мой демонъ, и въ челнокъ онъ всталъ.
Въ неспѣшномъ адскомъ челнокѣ
Поплылъ онъ тихо по рѣкѣ...

*7. II – 8. VI. 2009, 17.30,
въ день Св. Духа*

П#снь Надежды

I. Воспоминанія

По тихой огненной р#к#
Я плылъ въ несп#шномъ челнок#.
Душа сгорала, и больна
Воспоминаніемъ она —
О томъ, что душу не спасти,
И что Спасителя найти
Не смогъ я, хоть и близокъ былъ
Къ Тому, Кого не полюбилъ
Въ безуміи своёмъ мой духъ.
Ладья причалила. Былъ сухъ
И хладенъ мой ужасный гласъ.
Повел#ваніе для насъ,
Послушниковъ кром#шной тьмы,
Аида огненной тюрьмы,
Обычно. Падшая душа
Повиновалась не сп#ша.
«О перевозчикъ! Ты скажи
Мн# о порочномъ мір# лжи», —
Душа взмолилась. «Будешь зр#ть
Ты хладно-пламенную кл#ть, —
Ему я молвилъ. — Первымъ боль
Мою ты высказать позволь.
Я распять былъ... Ты знаешь в#дь:
Повстанцамъ римлянинъ лишь смерть
Готовить въ мукахъ на крест#.
Я плылъ въ туманной пустот#,
Вдругъ — боль ужасная въ ногахъ —
И всё исчезло, смерти страхъ
Ужъ не пугалъ меня. «Герой!
Какъ жаль, не встр#чусь я съ тобой!» —
Сказалъ мн# кто-то. Варава
Свои жестокиа слова
Мн# наяву сказалъ, иль н#тъ —
Ужъ я не дамъ теб# отв#тъ.
Была ужасна наша месть:
Враждебной власти предпочесть
Лишь тотъ сум#еть бунтаря,
Кого любовь отцова зря
Была растрчена — в#дь насъ
Пронзали копья въ страшный часъ,
Пронзая въ ужас# д#тей.
Рыдали жёны. И смертей
Не вид#лъ избранный народъ
Страшн#й, ч#мъ въ тотъ ужасный годъ.

Отрядъ Иисуса Вараввы
Не изб#жалъ худой молвы
Отъ власти преданныхъ рабовъ,
Но мы желали отъ оковъ
Избавить избранныхъ. Зач#мъ
Мы бились съ римской тьмою темъ?
Путь правды ясенъ былъ какъ день,
И насъ хранила Божья с#нь
До времени, но были мы
На гибель вс# обречены.
Царь не отъ міра звалъ людей
Къ иному бунту, но идей
Его не слушали. Но тамъ,
Куда Небесный Св#тъ Христа
Сквозь толщу плоти проникалъ,
Иную жизнь Собой рождаль,
Чужой, сл#пящій Св#тъ съ небесъ.
Его Божественныхъ словесъ
Мы не слышали. Теперь
Я вижу: господиномъ св#рь
Въ лиц# Вараввы былъ для насъ.
Изъ-за него небесный гласъ
Мы не слышали. Но ждалъ
И насъ Христосъ, что въ небо звалъ,
Сойдя на землю. И чиста
Была подъ тяжестью Креста
Его могучая Душа.
Тогда я съ нимъ былъ. Чуть дыша
Отъ муки тягостной, мой братъ,
Не знаю, отчего, былъ радъ
Увид#ть, какъ ничтоженъ былъ
Нашъ трудъ для Бога, что убилъ
Своихъ любимыхъ сыновей.
Ублюдокъ! Кесаревъ плебей!
Предатель Бога и царя!
Хотя и я см#ялся зря
Надъ Т#мъ, Кто всё же неспроста,
Нав#рно, не сошёлъ съ Креста.
Тогда я умеръ. Былъ во тьм#
Забвенья я, гор#ль во мн#
Огонь неправедный, и умъ
Отъ безконечныхъ тяжкихъ думъ
Мой разрывался. Слая вонь
Была вокругъ, и жёгъ огонь,
Стекая сверху: этотъ ядъ
Меня насквозь пронзаль, но радъ
Ему я отчего-то былъ.
Огонь в#чныхъ мукъ меня любилъ,
А я его. «Живи, мой другъ! —

Я н#жный гласъ услышалъ вдругъ. —
 Сгораеть сердце отъ любви.
 Молю тебя: вов#къ живи!
 Варавва предасть насъ, но онъ
 Былъ не Пилатомъ осуждёнъ,
 А мной отправленъ былъ въ шеоль.
 Пусть дождь прольётся. Бездну соль
 Онъ смоетъ, и забуду я,
 Какъ мучилась душа моя
 Въ любви къ разбойнику. Глупецъ!
 Онъ думалъ царственный в#нецъ
 Над#тъ на гордую главу.
 И я мечтала наяву
 Владычицей еврейской стать,
 И не могла я распознать
 Обмана въ томъ, кто былъ мн# богъ.
 Но судъ мой былъ суровъ и строгъ.
 Н#тъ, мы не боги на земл#,
 И наша участь въ в#чной мгл#,
 Но въ св#тъ и в#чность, и покой
 Ведётъ насъ властною рукой
 Всесильный Вождь Адонаи».

И я открылъ глаза свои,
 И ужаснулся я тотчасъ,
 Увид#въ тьму заплывшихъ глазъ.
 Правдивы женщины слова:
 Вараввы мёртвая глава
 Вис#ла въ кр#пкомъ кулак#,
 И въ строгой мертвенной тоск#
 Она смотр#ла на меня.
 «Живи, мой другъ. Но отъ огня
 Я не смогу тебя спасти,
 И долго будешь ты итти
 Въ пустын# т#сной, и покой
 За адской огненной р#кой
 Ты не обрящешь. Но во мгл#
 Моё служенье на земл#
 Продолжишь ты, и за тобой
 Въ часъ, предназначенный судьбой,
 Вернусь я. Можетъ быть, вдвоёмъ
 Вернёмся мы въ небесный домъ», —
 Варавва молвилъ мн#. Жена
 Стояла предо мной одна,
 Въ рукахъ своихъ держа кувшинъ.
 Покоя сладостныхъ вершинъ
 Мн# не вкушать теперь. Лишь страхъ
 И боль въ груди, и боль въ ногахъ
 Сопроводятъ меня въ пути.
 Но, Боже мой! Чего найти

Желаю я? Какой мечт#,
Блуждая въ чѣрной пустот#,
Теперь предался я? «Съ тобой
Теперь я связана судьбой.
Жестокой будетъ наша месть
Т#мъ, кто земному предпочесть
Сум#ль Иисуса. Сладкій ядъ
Вливалъ его безумный взглядъ.
Теперь всё кончено. Любовь
Сильн#й, ч#мъ Иисуса Кровь,
Насъ сочетала. И тебя
Я къ жизни воскрешу, любя.
Твой храмъ разрушенъ. Но его
Въ три дня создамъ я. Но того,
Кто званъ Христомъ былъ, не вернуть:
Земной его оконченъ путь.
Пошли разбойники за нимъ.
Я вижу: Иерусалимъ
Разрушенъ будетъ ими весь.
Безумецъ глупъ! Пока мы зд#сь,
Не отворить священный градъ
Погибели широкихъ вратъ.
Онъ обманулъ насъ: н#тъ любви
Въ томъ, кто былъ выкупанъ въ крови
Младенцевъ чистыхъ. Но рыдать
Надъ ними также будетъ мать,
Рахиль несчастная, и мечъ
Сум#еть душу ей разс#чь.
Я исц#лю тебя, мой другъ».
И я уснулъ. И всё вокругъ
Перем#шалось въ тяжелой мгл#.
Я словно былъ не на земл#.
Исчезъ во мрак# счётъ часовъ.
Явилось вид#нье в#совъ,
И былъ мн# слышенъ приговоръ,
И вид#ль я: отс#къ топоръ
Пустую чашу – и тогда
Иная часть ушла туда,
Гд# всё скрывалось въ чернот#,
А съ нею я... и въ пустот#
Густого мрака я сползалъ
Тягуче-медленно. Сжималъ
Меня кром#шный этотъ мракъ.
Минула в#чность. Но никакъ
Я дна не могъ достичь. Во тьм#
Я таялъ медленно въ ум#.
Тогда я крикнулъ: «Боже мой!
Да что же д#ется со мной!»
И я очнулся ото сна

И вижу: предо мной она,
 И взглядъ ласкаетъ, манить, жжётъ.
 «Я та, что сонъ твой стережётъ, —
 Она промолвила. — Но ты
 Въ награду выполни мечты
 Мои о счастья земномъ.
 Забудемъ вм#ст# о быломъ».
 Она легла. Ни гр#хъ, ни страсть —
 Иная, неземная власть
 Вела меня къ ея губамъ.
 Я льнулъ, и сладко было намъ
 На лож# — св#тломъ алтар# —
 Въ любви пл#нительной игр#
 Святую жертву приносить.
 Такъ было сладостно вкусить
 Объятій трепетныхъ жены.
 Нав#къ мы вм#ст#. И должны
 Мы св#тъ спасенья пронести
 Дорогой, что не смогу пройти,
 Тотъ назорейскій царь нев#ждъ.
 Не оправдалъ онъ ихъ надеждъ.
 И св#тъ сиялъ во тьм#, и онъ
 Вползалъ въ нашъ страстный, сладкій сонъ
 И такъ шепталъ мн#: «Друже, ты
 Вобралъ въ себя мои мечты,
 Соединившись навсегда
 Со мною». Страхъ въ меня тогда
 Проникъ. Я крикнулъ: «Боже мой! —
 Какою я иду тропой?
 Отв#тъ мн# Ты! Неужто мн#
 Гор#тъ начертано въ огн#,
 И св#тъ во мн# явился тьмой,
 И я былъ избранъ сатаной
 Ему служить?» — Но дикій см#хъ
 Вараввы звалъ меня на гр#хъ
 Съ женой порочной. «Что теб#?
 Кошмарный сонъ въ твоей судьб# —
 Крупица, въ сладкомъ мiр# сновъ
 Она утонетъ. Много словъ
 Не говори мн#. Знаю я,
 Ч#мъ мучится душа твоя, —
 Сказала женщина. — Но честь
 Намъ выпала кинжалъ и мечь
 И св#тъ той мести въ мiръ нести.
 Мiръ гибнетъ. Но его спасти
 Мы можемъ вм#ст#. Христiанъ
 Не сможетъ мерзостный т#ранъ
 Въ шеоль отправить. Но рука
 Твоя сразитъ ихъ свысока.

И царство иллюзорной лжи
Разрушимъ мы. «Но ты скажи,
Что сд#лалъ иллюзорный св#тъ?» —
Вдругъ прошепталь я ей въ отв#тъ.
— «Они рабы. И власть враговъ
Они не свергнуть. За боговъ
Они себя считаютъ. Боль
Заставить ихъ исполнить роль
Овецъ сл#пыхъ, что на убой
Ведётъ, ликуя, за Собой
Безумный распятый мясникъ».
И вновь губами я приникъ
Къ ея губамъ. И долго мы
Играли, страстию полны.
Я исц#лился. И, хранимъ
Всевышнимъ, въ Іерусалимъ
Направиль я свои стопы,
Лел#я лютыя мечты
Мои о мести. Боль и смрадъ
Вошли теперь въ порочный градъ.
Мой слухъ наполнили слова:
«Богъ умеръ. Падшіе, мертва
И ваша в#ра. Но воскресъ
Распятый. Множество чудесъ
Онъ передъ вами сотвориль.
Но вы мертвы. И не узриль
Никто средь умершихъ людей
Ихъ Жизнь. Распятый Царь царей
И Рабъ рабовъ уже грядётъ,
Я близко зрю тотъ страшный годъ,
Когда священный Божій градъ
Разрушенъ будетъ. Боль и адъ
Пройдутъ по улицамъ его.
Раскайтесь, люди! Оттого
Помиловать васъ можетъ Онъ,
Кто безъ вины былъ осуждёнъ
И проклятъ вами былъ“. „Пойми,
Ты власть надъ падшими людьми
Не возым#ешь никогда.
Распятый — тотъ же сынъ блуда,
Что кесарь римскій. Нашъ народъ
Отвергнетъ ихъ, и самъ пойдётъ,
Куда захочетъ», — молвилъ я.
«Ты зд#сь? Теперь душа моя
Теб#, мой врагъ, не служить ужъ», —
Отв#тилъ дивный Божій мужъ.
«Кто ты?» — спросилъ я. — «Легіонъ».
Я всталъ, какъ громомъ пораженъ.
И вспомнилъ: ночь... плыла ладья...

Но Боже! Это былъ не я!
Но кто тогда? Откуда мн#
Знакомъ сей мужъ? Онъ какъ во сн#
Едва всплываетъ чрезъ туманъ.
Въ сей глядя призрачный обманъ,
Ему я молвилъ: «Ты прости,
У насъ различные пути.
Не быть намъ вм#ст#. Очень радъ,
Что понялъ это ты, мой братъ.
Я былъ съ Распятымъ. Но не Имъ
Я отъ гибели хранимъ:
Любовью, чуждою Ему,
Я воскрешёнъ, и потому
Не в#рю я твоимъ словамъ».
Онъ мн# отв#тилъ: «Видишь самъ,
Какъ изм#нился я, когда
Христосъ избавилъ навсегда
Меня отъ демоновъ. Съ пути
Меня не смогъ ты увести:
Спаситель Самъ меня нашёлъ
И исц#лилъ... Ты живъ ещё!
Не преступи ты ада вратъ —
Узъ в#чности. Смертельный хладъ
Тебя ещё не обнялъ. Знай,
Открылъ Господь ворота въ рай!
Внемли Ему, и, можетъ быть,
Ты оборвёшь порока нить —
Исчезнетъ двойственность твоя
Въ тартар#». И смутился я.
Но поб#дилъ я страхъ... и взялъ
Я камень. На главу упалъ
Осколокъ ада, черепъ онъ
Пробилъ. И умеръ Легионъ.
Я вид#лъ ихъ, пойми, душа.
И, лютой слобою дыша,
Я перер#залъ ихъ, какъ скоть —
Т#хъ, что пот#шили народъ,
Троихъ пов#сивъ на крестахъ.
Внезапной смерти дикій страхъ
Въ глазахъ ихъ вспыхнуть не усп#лъ,
И псы лизали гору т#ль
Солдатъ убитыхъ. Лишь Пилать
Достигъ иначе ада вратъ.
Я былъ подобенъ Богу: мечъ
Принёсъ на землю я, отс#чь
Желалъ я римскую главу
И христіанскую молву
Заставить смолкнуть навсегда.
О Боже! Въ слые т# года

Отъ разрушенья Божій градъ
Чрезъ мечь избавить былъ я радъ...
Старикъ, я жилъ ещё когда
Въ священный градъ пришла б#да:
Узр#лъ я голодъ, плачь д#тей
И кровожадныхъ матерей,
Что #ли чадъ своихъ. Узналъ
Я правду: древній городъ палъ.
И я б#жалъ изъ этихъ м#сть,
И началъ я бродить окрестъ
Святаго града. И когда
Безчелов#чная орда
Снесла градъ славнаго Царя,
Благословилъ я ихъ не зря.
И мечь оставилъ я... Вода
Была нужна мн#, и тогда
Явился ангелъ, и въ рук#
Держалъ онъ кровь, и на песк#
Я кровь увид#лъ подъ собой...
И умеръ я, объятый тьмой...

II. Харонъ

Везомый скинулъ капюшонъ.
Я удивился: «Ты, Харонъ?
Ужель во тьм# ты снова?» „Н#тъ.
Къ теб# я посланъ, чтобы св#тъ
Во тьму кром#шную нести.
У насъ похожіе пути,
Какъ видишь ты. Но не могу
Я своему служить врагу,
И въ Божій Св#тъ вошёлъ я. Въ Нёмъ
Преображёнъ я и спасёнъ.
Я изм#нился. Поверни
Свою ладью ты, и верни
Меня къ спасённымъ. Ты и самъ
Святыхъ услышишь голоса,
Тебя зовущіе къ себ#.
Внимая ихъ святой мольб#,
Войдёшь ты въ ихъ священный кругъ.
Ты не изб#гнешь Божьихъ рукъ:
Узри Того, К#мъ я спасёнъ!
Давно уже разрушилъ Онъ
Мощь ада падшую, и вратъ
Своихъ уже лишился адъ», —
Онъ мн# промолвилъ. И въ бреду
Я выкрикнулъ: «Въ своёмъ аду
Я в#чность буду коротать!
Страдалъ я – буду в#къ страдать

И не раскаюсь никогда,
И полудемономъ всегда
Отнынѣ буду я. Навѣкъ
Во мнѣ ужъ умеръ человѣкъ».
«Я не былъ человѣкомъ. Мнѣ
Горѣть въ мучительномъ огнѣ
Предначертанье было. Но
Христова милость всё равно
Сломила мой порочный домъ.
И жизнь, и смерть – едино въ Немъ
Соединились. И къ Себѣ
Черезъ покаяніе въ мольбѣ
Вернуть погибшаго Онъ радъ.
Войди въ Его священный градъ!» —
Харонъ воскликнулъ. Тѣ слова
Надежду дали мнѣ: жива
Душа въ погибшемъ. Но изъ глазъ
Не выбьетъ слѣзъ его рассказъ —
Ихъ нѣтъ. Но долго плакалъ я.
Пристала къ берегу ладья...

III. Понтій Пилатъ

Сошѣлъ я. Вижу: предо мной
Въ одеждѣ свѣтлой, неземной.
Стоялъ какой-то человѣкъ.
«Кто ты, скажи мнѣ?» — я изрекъ.
«Пилатъ Понтийскій. Мы съ тобой.
Пылали въ Безднѣ роковой.
Теперь мнѣ стыдно. Но Христосъ
Изъ ада горькаго унесъ
Мой падшій духъ. Иди и ты
Въ рай совершенной красоты», —
Отвѣтилъ онъ. Я крикнулъ: «Вздоръ!
Ты самъ мнѣ вынесъ приговоръ,
Казнивъ съ Распятымъ на крестѣ.
Теперь я въ этой пустотѣ
Ладью везу свою. Но радъ
Вернуться буду я назадъ».
«Но такъ вернись!» — сказалъ онъ мнѣ.
«Но что же мучаетъ въ огнѣ
Безумца душу? Не даётъ
Мнѣ растопить забвенья лёдъ?» —
Спросилъ съ надеждой я. «Ты зналъ.
Когда тебя Спаситель звалъ
Въ чертогъ небесный. Но теперь
Тебѣ напомню я. Повѣрь,
Господь не смотритъ свысока
На тѣхъ, къ кому сошѣлъ. Рука

Его подниметь т#хъ, кто смогъ
Раскаяться. И въ Свой чертогъ
Онъ приведетъ ихъ», – такъ изрёкъ
Тотъ, кто меня на смерть обрёкъ.

IV. Легионъ

Оставилъ я его. И вдругъ
Увид#лъ я изъ св#та кругъ
И всталъ, какъ громомъ поражёнъ:
Стоялъ предъ мною Легионъ.
«Зач#мъ пришёлъ ты? Боли страхъ
Меня терзаетъ въ страшныхъ снахъ
Въ воспоминанъ# о быломъ —
Нав#ки связанъ я со сломъ, —
Ему я моливилъ. – Все же знай:
Въ печали я ишу свой рай».
«Тебя прощаю я, мой братъ.
Я знаю: горекъ этотъ адъ.
Ты долго странствовалъ, бродя
Во тьм#, искалъ, не находя
Ты покаянія въ себ#,
Въ безмолвной и сл#пой мольб#
Взывая къ Небу. Только тьма
Затмила падшій взоръ ума.
Воскресни, мёртвый! Дивный св#тъ
Явилъ теб# святой Зав#тъ! —
Пророкъ воскликнулъ. – Въ этотъ часъ
Къ теб# Господь отправилъ насъ —
Нести спасительную В#сть.
Твоимъ порокамъ счёту н#сть,
Но Богъ, отверженный тобой,
Въ Себя вобралъ ихъ, и съ Собой
И насъ пропялъ Онъ на Крест#,
И за тебя погибъ. Въ мечт#
Не сможешь ты вообразить
То Царство, коимъ будешь жить,
Вернувшись къ Богу и Творцу.
Вернись къ Небесному Отцу!
Тогда Распятый на Крест#
Возьмётъ тебя, и въ пустот#
Не будешь бол# ты блуждать.
Тебя Онъ в#чно будетъ ждать!
Ему откройся въ этотъ часъ».
И лилась кровь изъ чёрныхъ глазъ...

V. Левій Матв#й

И я воскликнулъ: «Боже мой!
Погибъ я въ Бездн# роковой!»
Вдругъ слышу голосъ я въ отв#тъ,
Онъ твёрдо, тихо молвилъ: «Н#тъ».
Я замеръ. «Кто ты?» – спросилъ
Я пустоту. Лишённый силъ,
«Левій Матв#й, – услышалъ я. —
Въ порок# жилъ я, не тая
Стяжаній суетныхъ тщету.
Но возлюбилъ я нищету,
Когда Христосъ въ порочный домъ
Вошёлъ – пошёлъ я за Христомъ.
Ты можешь быть спасёнъ, мой братъ.
Христосъ-Спаситель будетъ радъ,
Лишь покаянія слеза
Омоетъ падшіе глаза,
И руку ты Его возмёшь,
И демоническую ложъ
Отринешь ты. Оборотись!»
Я обернулся. Съ неба внизъ
Спустилась Книга. «Ты прочти
Писанье в#рнаго Пути», —
Сказалъ мн# гласъ. И я открылъ,
Что съ неба мн# Господь явилъ.

VI. Осія

Прости, Христосъ! И въ этотъ часъ
Я въ св#тъ вошёлъ. Съ прозрачныхъ глазъ
Стекали слёзы. И Христосъ
Вобралъ меня въ Себя, и нёсъ
Меня Спаситель на рукахъ,
И въ окровавленныхъ пескахъ,
Гд# умеръ я, струился св#тъ.
Принялъ я в#ковой Зав#тъ.
Осіа – имя мн#, сказалъ
Царь міра, что свободу далъ.
Осіа – конченъ адскій сонъ!
Спасенье – имъ освобождёнъ
Отъ тьмы и мрака я нав#къ.
Былъ возстановленъ челов#къ.

17.IX.2009 – 23.II.2010; 2015.

Gloria Domini

Амальрикъ и Анна

Имперіи гибли, и в#ки в#ками см#нялись,
Но твердая камнемъ стояла нев#ста Христова,
И тщетно её вождел#ль, проявляя свир#пость,
Противникъ ея, чьи клеветы напрасно старались
Её отвратить отъ нетл#ннаго Божьяго Слова,
Незыблемый столпъ колебая, круша ея кр#пость.

Но имъ помогала людская могучая гордость,
Что славу имперіи не принесетъ въ всесожженье
Предъ Богомъ живымъ, и отъ Церкви, что мать вс#мъ обща,
Сей в#къ возлюбивъ и его многошаткую твердость,
Отторглась – и тщетно молить у нея примиренья:
Св#тильникъ подвигся, засыпанный времени толщей.

И славныя гибли подъ новой воинственной в#рой
Святыя обители, древнія земли Востока,
Кровавую жатву сжинають серпы Магомета,
И кони его мчатся, пышуще адомъ и с#рой,
И Т#ло Христа кровоточить отъ раны глубокой,
И гибнуть отважно святыя воители Св#та.

Никто ихъ не выручить: слобой Востокъ раздираемъ,
Безсиленъ и Западъ помочь – на Христа уповайте,
Окрасила кровь христіанъ Средиземное море.
А гордый Востокъ, в#ков#чную связь разрывая,
Отъ твердаго камня отпаль. Небеса, возрыдайте!
И ангелъ съ небесъ возв#щаетъ великое горе.

О, кто уврачуеъ разладъ! и народъ христіанскій
Единую п#снь воспоеъ Тріединому Богу,
И сердцемъ единымъ возжаждутъ вс# Царства Христова,
И дикий мучитель, безбожный народъ мусульманскій,
Свои слод#янья прозритъ, и въ рыданіи многомъ
Востокъ обновится, и св#тъ возсіяетъ въ немъ снова?

Но грубой лишь сил# внимаеъ воитель Аллаха,
Къ войн# справедливой съ безбожнымъ кровавымъ ученьемъ
Священная Церковь отважное войско собираетъ,
До смерти сражаться за в#ру, не в#дая страха,
Воителей, коихъ сердца переполнены мщенья,
Удерживать гн#въ свой напрасный она призываетъ:

«См#лее съ ордой нечестивыхъ идите на битву,
И вы purgatorium минете въ доброй надежд#,
И міръ христіанскій спасете отъ слага т#рана.
Въ сердцахъ да не смолкнуть священныя ваши молитвы,
Во Св#тъ облецытесь, пусть Св#тъ будетъ вашей одеждой,
Христа предъ очами им#йте жестокия раны».

И мерзкое мечъ христіанства разиль запус#нье,
Торя на Восток# дорогу Христовой Нев#ст#,
Поганые псы Магомета Креста не сломають².
Караеть язычниковъ гн#вное Божье отмщенье:
Съ земнымъ и небесное воинство рубится вм#ст#,
В#дъ кровь христіанъ о возмездіи къ небу взываетъ.

Къ нимъ франковъ король посп#шаетъ на помощь отважный —
Сражаться за Крестъ, оседлавъ Средиземное море,
И рыцарей съ нимъ безъ числа, вс# – воители Св#та.
Ихъ взоры св#тлы, ихъ сердца горячи и безстрашны,
Но въ милыя сердцу края возвратятся нескоро,
Жестокая брань предстоить имъ съ серпомъ Магомета.

Но самъ сатана Магометову рать охраняетъ,
На помощь онъ джинновъ собираетъ могучую силу,
И много отважныхъ не узрятъ священную землю:
Безжалостный штормъ на водахъ духи сла поднимають,
И множество в#рныхъ пучина нав#къ поглотила,
И, кажется, Богъ ихъ отчаяннымъ мольбамъ не внимлетъ.

Спасенный корабль присталь къ берегамъ кипріотовъ,
Плыла Беренгарія въ немъ, и въ очахъ ея – небо.
Коварный схизмать обратилъ къ ней лукавыя р#чи:
«Принцесса, сойдите, спаситесь морской вы икоты,
Вина у насъ много, полно и елея, и хл#ба,
Зач#мъ, не пойму, моему предложенью перечить?

Я вс#хъ въ моемъ замк# пристроилъ спасенныхъ отъ бури,
Вино они пьютъ, со служанками вс# веселятся,
И васъ они просятъ послушать мое приглашенье.
#дятъ они мясо отъ всей своей рыцарской дури,
Мои погребя пустошатъ, разорить не боятся,
И славятъ меня, императора, за ихъ спасенье.

Принцесса, прошу, не отриньте лобзанія мира,
Король вашъ увидитъ, какъ щедро гостей мы встр#чаемъ,
И насъ наградить, и ему мы окажемъ подмогу.
Мы встр#тимъ съ вельможами васъ, съ патріархомъ и клиромъ,

² Словами «псы», «язычники» и т. п. я никоимъ образомъ не им#ю въ виду оскорбить представителей «мирной религіи», но вынужденъ пользоваться представленіями о нихъ, характерными для времени Крестовыхъ Походовъ.

В#дь мы не вражды – благоденствія св#тлаго чаемъ,
На д#ло святое войска снарядимъ мы въ дорогу».

«Лукавый схизмать! – Беренгарія такъ отв#чаетъ. —
Напрасную ложь говоришь ты съ великимъ стараньемъ,
Слова твои мерзки, противны они мн# до рвоты.
Король – мой женихъ, онъ обидъ никому не прощаетъ.
Спасетъ меня Богъ – на него возложу упованье.
Мои корабли разграбляли твои кипріоты.

Спасенныхъ отъ бури въ сыромъ заточилъ ты подвал#,
#дятъ они хл#бъ плеснев#лый и стражи изд#вки,
Меня полонить ты коварною лестью желаешь,
Потребуешь въ выкупъ каменьевъ и злата немало,
Иль чести лишишь: вы, схизматы на дерзкое ловки.
Но силой в#нчать христіанку напрасно ты чаешь.

Твой клиръ богомерзкій не бриль безтолковое темя,
Въ небритыхъ брадахъ въ изобиліи вши обитають,
Козлиное п#нье невнятно ектины бормочетъ,
И сд#лають тюрю, и мнятъ въ ней духовное с#мя,
И кашей такой они людъ христіанскій питають,
И каждый не славы Христа, а имперіи хочетъ», —

Принцесса Наваррская такъ отвечала схизмату,
И Бога она умоляла явить Свою силу.
Услышалъ молитву Господь, и простеръ Онъ десницу.
Суда быстроходныя гналъ уже в#теръ крылатый,
Ихъ миловалъ Богъ – и пучина ихъ водъ не накрыла,
Въ нихъ Ричардъ, отважный король, и воздасть онъ сторицей.

На берегъ сошло всё отважное воинство в#рныхъ,
Ихъ съ боемъ встр#чалъ императоръ, схизмать в#роломный,
Но самъ онъ едва уб#жалъ отъ ихъ грознаго гн#ва.
Амальрикъ ряды крестоносцевъ украсилъ средь первыхъ,
Отважный въ бою, на пиру молчаливый и скромный,
Онъ что не помыслить – ему въ томъ сопутствуетъ небо.

Почетную службу оставилъ онъ въ воинств# Папы,
Свят#йшій отецъ, вс# гр#хи отпустивъ въ покаянь#,
Желанье исполнилъ его, всей душой онъ стремился
Безбожному св#рю отс#чь кровожадныя лапы,
Избавить мечталъ христіанъ онъ отъ слёзъ и страданья,
И денно и нощно объ этомъ онъ Богу молился.

Съ нимъ другъ Теодоръ, въ немъ отважное сердце пылаетъ,
И подвиговъ жаждетъ, свершеній во славу Господню,
Безстрашн#й его лишь Амальрикъ, онъ славный воитель.
Красивъ и уменъ, наизусть онъ Писаніе знаетъ,

Язычниковъ многихъ отправить онъ въ пасть преисподней
И приметъ об#ты, когда возвратитъ Вседержитель

Его изъ похода, у вратъ монастырскихъ онъ броситъ
Отвагу и почестъ, и пира веселье хм#льное,
И Бога онъ станетъ усердно молить о спасень#:
Всеблагій Господь испытующе каждого спроситъ,
Предъ Нимъ обнажится д#яніе тайное слое,
И мысль позабытая выйдетъ на св#тъ Его зр#нъя.

Душа обнаженная горестный вопль подыметъ,
Когда она узритъ себя въ томъ божественномъ св#т#,
Возжаждетъ сокрыться, но тщетно лишь будетъ метаться.
Идущіе къ Св#ту губительный морокъ отринуть,
Никто не изб#гнетъ суда, не уйдетъ отъ отв#та,
Но тьму возлюбившіе будутъ во мрак# скитаться.

Король съ торжествомъ восходилъ въ Лимасоль покоренный,
Съ нимъ подъ руку шла Беренгарія, день затмевая,
И воинство славное съ нимъ ликовало безъ м#ры.
И въ главномъ собор# в#нчалъ ихъ прелать восхищенный,
Онъ воинамъ далъ разр#шеніе, гр#хъ отпуская:
Невольны они противъ братьевъ сражались по в#р#.

И къ в#рнымъ король обратился съ такими словами:
«Вы братья мои, не вассалы, въ священномъ поход#.
Великую радость, прошу, вы со мной разд#лите.
Богъ миловалъ васъ, и любятъ ангелы вами:
До смерти в#рны были вы мн# въ трудахъ и невзгод#,
Такъ будьте в#рны и въ поко# и отдыхъ вкусите.

С#ло веселитесь, ликуйте, и #шьте, и пейте,
И Господа славьте – Господь даровалъ намъ поб#ду,
И силъ набирайтесь: насъ путь ожидаетъ далекій.
Но помните строго и въ сердц# своемъ разум#йте:
Зд#сь люди Христа, да не узрятъ отъ рукъ вашихъ б#ды —
Безъ милости судъ поступившему съ ближнимъ жестоко».

И рыцари славно три дня, веселясь, пировали,
И кипрскихъ винъ вс# запасы они истожили,
И вс# погреба Лимасола пусты оказались.
Но двое оставили пиръ – имъ веселія мало,
Въ саду средь деревъ не сп#ша они мирно бродили,
Въ бес#д# разумной познать они мудрость пытались.

Амальрикъ сказалъ (он когда-то читалъ Оригена,
Руфинъ изложилъ его мудро на строгой латыни):
Скажи, Теодоръ, сарацинамъ что Богъ уготовалъ?
Ихъ богъ Магометъ с#ялъ долго въ нихъ ложное с#мя,

О, кто столь силенъ, кто бы камень съ души ихъ подвинулъ!
О, кто сообщить имъ святое нетварное Слово!

Въ нихъ сло обратилось въ привычку, и слову Писанья
Не скоро они покорятся – ихъ сердце жестоко,
Они христіанамъ враги – сатан# они д#ти;
Уд#ль ихъ – погибель, ихъ Божіе ждетъ наказанье,
Но в#чна ли участь въ тяжелой тоск# одинокой,
Ужель ихъ заблудшія души не вспомнать о Св#т#?

Въ сей міръ Онъ явился, Онъ падшимъ сродни и заблудшимъ,
Отъ міра гонимъ, но пришёлъ, да погибшаго възвеститъ,
Пронзенное сердце о каждомъ безумц# рыдаетъ
И ждетъ покаянья, да каждого сд#лаетъ лучше,
Кто искреннимъ сердцемъ священную истину ищетъ,
И съ каждымъ во ад# оно нестерпимо страдаетъ».

«Амальрикъ, мой другъ, ты неужто р#шилъ усомниться
Въ незыблемомъ, в#чномъ, священномъ церковномъ ученъ#,
Б#жалъ отъ суда ты туда, гд# родился Спаситель?
Съ безбожной ордой мы безъ жалости вс# будемъ биться,
Никто не изб#гнетъ святаго во гн#в# отмщенья,
Ихъ вс#хъ до единого въ бездну пошлётъ Вседержитель.

Ужель они Бога, скажи мн#, вс#мъ сердцемъ бояся,
Творца прославляютъ неужто д#лами благими,
И Богу пріятенъ народъ сей безбожный и дикій?
Огонь ихъ поястъ за великія ихъ святотатства,
Гор#ть будутъ в#чно они съ ихъ д#яньями слыми,
Въ Христовыхъ церквахъ осквернили святыхъ они лики!

Въ безумномъ аду имъ не будетъ уже покаянья,
Безсмысленна жизнь ихъ – и адъ ихъ такой ожидаетъ,
Гд# червь не умретъ и огонь не угаснетъ во в#ки,
Гд# скрежетъ зубовный и вопль, и плачь, и рыданье,
И огненный омутъ горящею с#рой пылаетъ,
Горятъ въ этомъ омут# гр#шные вс# челов#ки», —

Сказалъ Теодоръ, и лицо его сд#лалось грозно.
«Обильную жатву для ада ты, другъ, уготовалъ,
Отъ смерти напрасно избавилъ Господь Измаила, —
Амальрикъ изрекъ и взглянуть на него серьезно. —
Сколь малое сло – отъ юдоли избавить суровой
Народъ многочисленный – гибелью предка едина.

Не десять ли кратъ фараона, царя у ег#птянь,
Училъ, ты скажи, Милосердн#йшій богопознанию,
Избранный народъ возжелавъ извести на свободу?
Онъ внялъ изможденнымъ ихъ въ м#дное небо молитвамъ,

Но медленно вель богомерзкого Онъ къ покаянью,
Не вразъ изничтожилъ избраннаго ради народа.

Неужто, скажи, т# труды Его были вс# тщетны,
И Онъ первородныхъ ег#птянъ сгубилъ понапрасну,
И жабъ земноводныхъ смерд#ть понапрасну заставилъ?
Не вс# ль согр#шили и стали ничтожны и смертны?
Не вс# ль удостоились участи этой ужасной?
Не каждый ли радостно стопы въ погибель направилъ?»

«Ты в#рно глаголешь, – ему Теодоръ отв#чаетъ. —
Но участь конечная всё же за гробомъ р#шится,
Безъ т#ла душа обнаженной предстанетъ предъ Богомъ.
Кто Бога не зналъ – никогда ужъ Его не познаетъ,
Но в#рныхъ заслуги умножены будутъ сторицей:
Предстанутъ и эти, и т# на судилищ# строгомъ».

«Предстанемъ мы вс#, Теодоръ, но замри и послушай», —
Амальрикъ сказалъ и вс# насторожились мгновенно:
Въ саду чей-то голосъ гнилыми словами см#ился:
«Гд# очи, чтобъ вид#ли, гд# постороннія уши?
Съ тобой мы одни, мы сольемся въ любви незабвенной,
Твоей красотой я сегодня на гр#хъ соблазнилъ.

Твое совершенство мн# полностью разумъ затмило,
Минута свиданья – и къ чорту Христово ученье!
Отцы мн# напрасно пророчать вс# адскія б#ды —
Дешевая плата за то, что мн# сердцу такъ мило!
Въ объятыхъ твоихъ эта ночь пролетитъ какъ мгновенье.
Не стоитъ б#жать – мн# пріятн#е будетъ поб#да».

«О рыцарь, молю, ты помилуй невинную душу!
Не дай умереть, господинъ, отъ стыда и позора!
В#дь я христіанка, не д#лай ты мн# ничесоже!
Прекрасный и доблестный, мой повелитель, послушай:
Моимъ будь супругомъ, женой я изб#гну укора
И многою лаской украшу совм#стное ложе.

Святой насъ отецъ обв#нчаетъ во храм# съ тобою,
И в#рной супругой твоею объявить онъ Анну,
И мой повелитель ут#шится мною законно.
Я жребій приму, и смирюсь я до смерти съ судьбою,
Теб# буду слаще, ч#мъ съ неба обильная манна,
И буду безъ ропота каждому слову покорна».

Д#вица ему отв#чала столь кротко и н#жно,
Что каждое сердце въ защиту ея бы возстало,
Но похоть сл#па: на ея не посмотреть рыдания,
S#ло простираясь ко сладости приторно-гр#шной,

И ц#лаго ада въ ут#ху ей, кажется, мало:
Пріятна ей боль – и нев#домо ей покаянье.

И такъ отв#чаетъ растлитель невинной д#виц#:
«Какъ быстро наскучать мн# в#рныя брачныя узы!
Чужое мн# слаще, и взору оно вождел#нн#й.
Любви ч#мъ противиться – ей насладимся сторицей,
А посл# простимся – другъ другу не будемъ обузой:
Коль ты христіанка, ты будь въ неизб#жномъ смиренн#й».

Амальрикъ вскип#ль отъ словесъ этихъ праведнымъ гн#вомъ:
«Пусть небо тебя проклянетъ, ацефаль безголовый!
Нарушить приказъ короля ты напрасно стремишься.
Своей правот# призываю въ свид#тели небо:
Ты трусь и предатель! До смерти за каждое слово
Не съ слабою д#вой, а съ сильнымъ ты мужемъ сразишься!»

«Амальрикъ, любитель гляд#ть на любовныя тайны!
Не стыдно ль вдвоемъ съ безоружнымъ во гн#в# квитаться?
Любовь я теб# уступаю, но будь съ нею ласковъ.
Для насъ эта встр#ча, быть можетъ, совс#мъ не случайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.